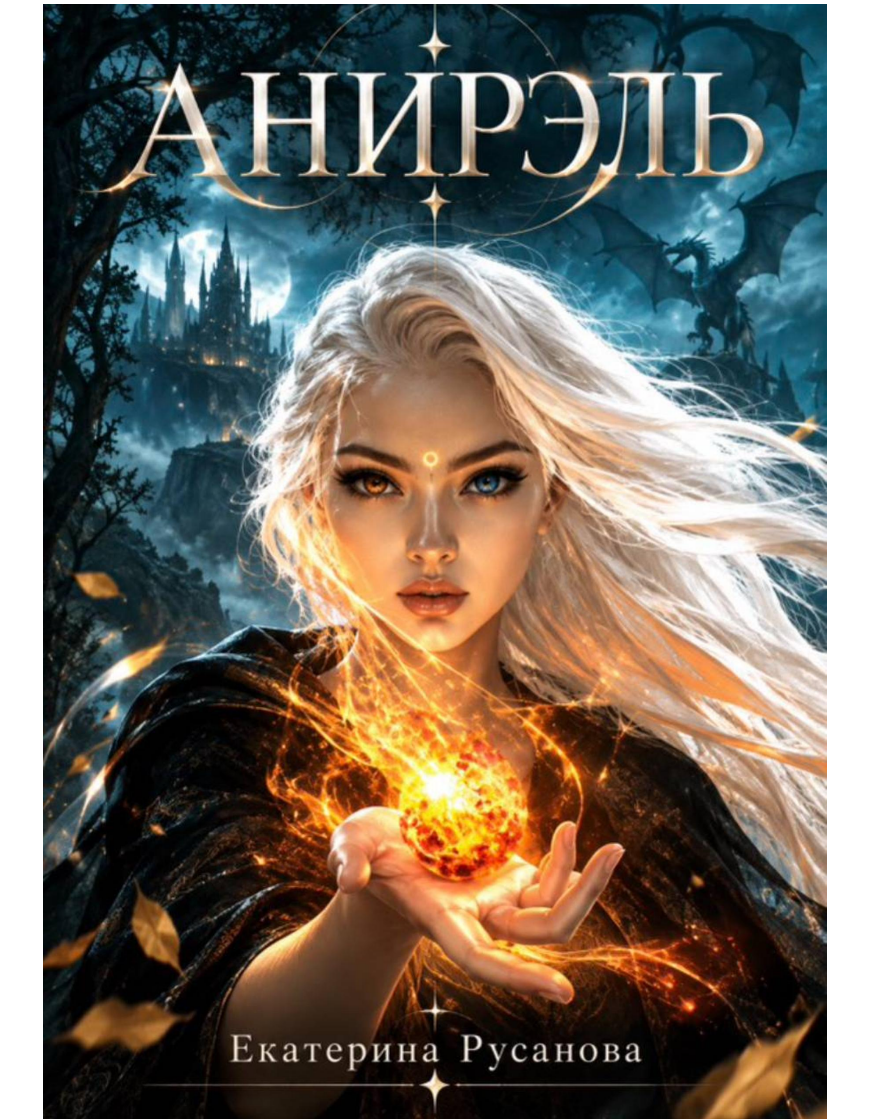

АНИРЭЛЬ

Екатерина Русанова

Екатерина Русанова

Анирэль

<https://litres.ru/74613269>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где народы владеют разными стихиями, происхождение определяет судьбу. Древние запреты охраняют строже границ, а любовь может стать основанием для смертного приговора.

Ани не помнит своего прошлого. Её жизнь проходит у края леса, из которого давно ушла магия. Она умеет выживать, привыкла рассчитывать на себя и старается не думать о том, что потеряла.

Но однажды обычная охота уводит её туда, где знакомые правила перестают действовать.

За пределами её маленького мира древние роды хранят свои тайны, власть опирается на магию, а чужая забота ещё не означает безопасности. Здесь Ани предстоит узнать цену доверию — и встретить человека, близость к которому опаснее одиночества.

Она хочет только вернуться домой. Но кем она вернётся, если узнает правду о себе?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	34
Глава 4	57
Глава 5	77
Глава 6	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Анирэль

Глава 1

— И возвращайся скорее, — сказала тётушка. — Уйдёшь, а потом боги знают сколько тебя ждать. Далеко не забирайся. Не будет живности поблизости — поворачивай домой. Поняла?

Я кивнула, не поднимая глаз от стола. Энна не унималась: — У нас ещё есть накопления. Мяса на зиму прикупим. Огород, слава богам, не подвёл.

Я поднялась и потянулась за рюкзаком.

— Слышишь, Ани? Чтобы к вечеру была дома. Никакого здоровья не хватит ждать тебя по трое суток с этой проклятой охоты!

— Будто я там от хорошей жизни задерживаюсь, — пробормотала себе под нос.

Каждую неделю одно и то же. Тётушка ворчала, я обещала не уходить далеко, а потом шла туда, где ещё можно было что-нибудь добыть. Хочешь есть — иди в лес. Выделанную шкуру можно продать, мясо заготовить впрок или обменять на то, чего самим не достать. Никогда не знаешь, когда понадобятся лекарь, новые ботинки или ещё что-нибудь, без чего вчера прекрасно обходилась.

Энниных монет едва хватило бы на месяц. А потом нам

осталось бы жевать луковицы до весны.

Она это понимала. И всё равно каждое утро пыталась меня удержать.

— Сегодня вернусь, обещаю. Со мной ничего не случится.

Я произнесла это как можно увереннее и отвернулась, чтобы она не заметила сомнения.

Лес я любила. Но ходить в него одной было страшно, сколько бы знакомых троп ни осталось за спиной. Днём ещё можно убедить себя, что знаешь здесь каждый куст. В темноте даже знакомый куст выглядит так, будто только и ждёт, когда ты подойдёшь поближе.

Другое дело — общая охота. Дважды в год, летом и осенью, на неё отводили по две недели. Тогда деревенские собирались и уходили в горы. Сколько добудешь — столько добудешь, только большую часть всё равно забирали люди правителя. Хорошим мехом можно было откупиться от бессрочной службы, и семьи, в которых подрастали сыновья, старались особенно усердно.

Там даже самые сварливые соседи забывали о распрях. Одни заготавливали дрова, другие готовили, третьи устраивали ночлег. Днём охотники уходили группами, а вечером возвращались к общему костру. В таком лагере и заснуть было легче: вокруг люди, голоса, огонь.

На одиночных вылазках оставалось рассчитывать только на себя.

До рассвета было ещё далеко. Энна хлопотала у стола, заворачивая хлеб, и ворчала уже тише, больше для себя.

В такие минуты я злилась на неё, а потом замечала, как она держится за край стола, прежде чем выпрямиться, — и злость становилась какой-то мелкой, стыдной.

Тётушка была больна. Слабость накатывала внезапно: ещё утром она могла возиться в огороде, а к вечеру уже не вставала с постели. В последний раз так пролежала почти две недели. Лекарь приходил, разводил руками и исправно забирал очередную горсть монет. По его словам, всему виной было время, которое никого не щадит.

Только Энна не казалась мне настолько старой. Стройная, с вздёрнутым носом и серыми миндалевидными глазами. Под глазами уже собрались мелкие морщинки, но стоило ей улыбнуться, и лицо становилось почти девчоночьим. Наверное, в молодости она была завидной невестой. Почему так и не вышла замуж, я не знала.

Зато моё замужество занимало её постоянно.

Выгодный жених, хороший выкуп, надёжный дом. Тётушка говорила об этом так, будто речь шла о покупке коровы: главное — выбрать здоровую и не прогадать с ценой. Я понимала, чего она боялась. Если болезнь окончательно свалит её, кому я останусь нужна? Но от этого понимания желание выходить замуж не появлялось.

Энна приютила меня почти четыре года назад. Нашла без сознания на каменистом берегу, в одной хлопковой тунике.

Забрала домой, выходила, оставила у себя. Роднее неё у меня никого не было.

Во всяком случае, никого, кого я помнила.

О себе я знала только имя и возраст. Остальное возвращалось обрывками, которым не находилось места в моей нынешней жизни. Лицо в зеркале — похожее на моё и всё-таки другое. Чьи-то голоса. Боль в груди, такая сильная, будто меня разрывало изнутри. Крик. Вдох, после которого, казалось, уже ничего не могло быть.

А потом — Энна, склонившаяся надо мной.

В первые месяцы мысли путались, и порой мне казалось, что я схожу с ума. По ночам снились незнакомые лица, почему-то родные. Иногда приходила женщина с белыми волосами. Проснувшись, я пыталась вспомнить её глаза, голос, хоть что-нибудь, но оставалось только чувство: я её знала.

Ещё были песни. Они звучали то одним голосом, то многими сразу, и во сне я понимала их так ясно, словно слышала с самого рождения. Утром смысл исчезал.

Одну мелодию я запомнила. Иногда напевала её, когда оставалась одна. Слов не понимала, но почему-то не сомневалась, как они должны звучать.

— Хлеб заberi, — напoмнила Энна.

Я очнулась от своих мыслей и уложила в рюкзак свёрток с хлебом и сыром. Молоко тётушка собиралась отвезти на рынок, поэтому во флягу я налила воды и бросила кусочек сахара. Днём можно было напиться из ручья, а сладкую воду

оставить на обратную дорогу.

Ночевать в лесу я и сама не собиралась. Слишком холодно.

На пороге задержалась, натягивая рукава шерстяного свитера на ладони. Куртка давно стала мала: стоило застегнуть её, как уже не получалось свободно поднять руки. Пришлось сунуть в рюкзак — пригодится, если сяду отдыхать. Кожанные штаны, едва закрывавшие колени, были испещрены заплатками. Ботинки, доставшиеся от дочери соседки Маргарет, оказались велики. Я затянула шнуровку покрепче и пошевелила пальцами.

До вечера ноги опять разболятся. Зато не босиком.

— Ани.

Я оглянулась. Энна стояла у стола, прижимая к груди руку, которой только что поправляла мой свёрток.

— Побереги себя.

— Ты тоже.

И я вышла, прежде чем она успела снова заговорить о возвращении.

Лужи ещё не замёрзли, но дыхание клубилось перед лицом густым паром. Я побежала к лесу, чтобы согреться.

Четвёртую неделю крупной добычи не было. Ни косули, ни кабана — словно кто-то согнал зверьё с привычных мест. Я находила старые следы, обходила знакомые участки, уходила всё дальше и возвращалась ни с чем.

От мысли, что в лесу могло поселиться что-то покрупнее, становилось неуютно.

Месяц назад я провела здесь две ночи, без толку выслеживая косулю. Хорошо хоть было где переночевать.

Своё укрытие я нашла прошлым летом. Забралась слишком далеко, возвращаться по темноте не хотелось, и я пошла вдоль реки искать место для ночлега. В скалистом уступе заметила отверстие, наполовину скрытое ивовыми ветвями. Пока солнце ещё светило, пещера не казалась страшной. Но прежде чем лезть внутрь, я всё-таки бросила туда несколько увесистых камней.

Никто не выскочил и не зарычал.

Внутри было сухо, хватало места и для ночлега, и для небольшого костра. Потом я начала носить туда полезные вещи, получше прикрыла вход ветками. Постепенно пещера стала похожа на комнату. Мою комнату, где никто не требовал вернуться к определённому часу.

Я называла её лесным домом. Только Энне об этом не говорила: она бы непременно нашла причину запретить туда ходить.

Сегодня я решила больше не тратить время на крупного зверя. Пошла к опушке, где прежде встречала тетеревов, выбрала укрытие и стала ждать.

Спустя два часа пришлось признать: здесь мне ничего не светит.

Я осторожно поднялась, разминая затёкшие ноги. Можно

было проверить ещё пару мест неподалёку, но после четырёх пустых недель надежды оставалось мало. За Зелёными озёрами были сырые лесные низины. Там я раньше добывала вальдшнепов.

Полдня пути. Потом ждать до вечера. Домой засветло уже не успеть.

Я постояла, глядя на тропу к деревне, и свернула в другую сторону.

Тётушка будет в ярости. Но если вернусь без добычи, разговор опять зайдёт о женихе.

— Хоть драного ворона да можно поймать, — заявила она два дня назад, увидев меня на пороге с пустыми руками.

Будто я специально отпускала всё съедобное.

Когда тревога брала верх, Энна начинала подозревать, что в лесу меня держит вовсе не охота. Семнадцатилетняя девушка, по её мнению, непременно должна была думать о любви. А от любви до бесчестья, как она выражалась, один неверный шаг.

Значит, надо выдать меня замуж, пока я этого шага не сделала.

Обычно женились после совершеннолетия, но исключения случались часто. Особенно если семьи обо всём договорились. Энне больше других нравился сын старого кузнеца: молодой, сильный и, главное, обеспеченный. Она перечисляла его достоинства так часто, что я могла бы повторить их во сне.

Свои планы у меня тоже были.

Скопить денег, уехать в город, найти работу. Какую — пока не знала, но не могла же я годиться только в жёны. Энну я бы не бросила: отправляла бы ей деньги, нашла хорошего лекаря. Настоящего, который умеет хоть что-то, кроме как сетовать на возраст.

До этого нужно было пережить зиму. И убедить тётушку, что со свадьбой можно подождать.

На общей охоте я стреляла не хуже других, а среди девчонок редко кому уступала. Но крупный зверь и птица — совсем разная добыча. Зверя ещё можно выследить, дожидаться удобного момента. Птица мелькнёт между ветвей, и попробуй успеть.

Стрелы тоже стоили денег. Потеряешь одну — считай, часть добычи уже отдала. А если наконечник засел высоко в стволе, приходилось лезть на дерево и вырезать его ножом, стараясь не испортить древко.

Я предпочитала охоту, которая давала больше, чем отнимала. Но выбирать сегодня не приходилось.

До низины добралась ближе к вечеру. Нашла место среди кустов, откуда просматривалась полоса земли между деревьями, и наконец достала хлеб с сыром. Ела медленно, стряхивая крошки с пальцев. Сладкую воду решила поберечь: если придётся ночевать в пещере, пригодится утром.

Потом проверила тетиву, разложила стрелы так, чтобы

легко было брать, и устроилась ждать.

Последний солнечный луч скользнул по рукаву. Под деревьями густели тени.

Хорошо бы завести собаку. С ней и искать легче, и подранок не уйдёт. Только охотничий пёс стоил столько, сколько мы не могли себе позволить. Можно было взять дворнягу и попробовать обучить самой, но если не получится? Энна лишний рот терпеть не станет, а выгнать потом я бы не смогла.

В кустах зашуршало.

Я замерла. Между сухими листьями двигалось что-то небольшое, почти неотличимое от земли. Ещё мгновение — и я разглядела птицу.

Подняла лук, натянула тетиву.

Щелчок.

Мимо.

Проклятье!

Птица рванулась в заросли. Рядом захлопали крылья. Я схватила следующую стрелу, прицелилась и выстрелила.

На этот раз попала.

Я выпустила пять стрел. Три птицы остались на месте, ещё одну я ранила. Видела, как она скрылась в кустах, но насколько далеко ушла, понять не успела.

От радости хотелось рассмеяться. После стольких пустых вылазок — сразу три!

Я собрала добычу и найденные стрелы. Потом принялась

искать подранка.

— Вот сейчас бы собаку, — прошептала, заглядывая под очередной куст.

Три птицы уже висели у меня на поясе. Можно было уйти. Добраться до пещеры, развести огонь и с утра отправиться домой. Даже Энне нечего было бы сказать.

Но где-то рядом оставалась четвёртая птица. И моя стрела.

Я помнила, как подранок метнулся в заросли, и всё казалось: ещё несколько шагов — найду. Не хотелось оставлять его медленно умирать. И уж точно не хотелось после целого дня в лесу уступать добычу первой попавшейся лисе.

Свет ещё держался над верхушками деревьев. Под ними я уже с трудом различала землю.

Я пошла дальше.

В темноте лес менялся. Тропы исчезали, расстояния становились обманчивыми. То, что днём можно было перешагнуть не глядя, теперь заставляло останавливаться и проверять землю носком ботинка.

Я прислушивалась. Шелест наверху, скрип ветвей, шорох под ногами. Среди всего этого надо было различить движение раненой птицы.

Хрустнула сухая ветка, и я вздрогнула от собственного шага.

Хватит. Пора возвращаться.

Я уже повернулась, когда впереди снова зашуршало.
Совсем близко.

Пригнувшись, раздвинула ветки и осторожно шагнула к звуку. Из-под ботинка выскочил камень. Я замерла, а он покатился вниз, стукнулся обо что-то, ещё раз — и затих далеко внизу.

Передо мной был крутой спуск.

Я отступила на шаг и выругалась про себя. В темноте чуть не свалилась в лощину.

Шорох донёсся оттуда снова.

Ну конечно. Именно туда ему и понадобилось забраться.

Я стояла на краю, пытаюсь разглядеть склон. Возвращаться с тремя птицами было бы разумно. Лезть вниз ради четвёртой — глупо. Я это прекрасно понимала.

Но так устала возвращаться, оправдываться, слушать, что одна всё равно не справлюсь. Днём мне казалось, что удачная охота даст хотя бы несколько спокойных дней. Теперь я цеплялась за эту последнюю птицу, будто именно от неё зависело, позволят ли мне ещё хоть немного пожить по-своему.

Я вытащила нож. Маленький, карманный — против настоящего хищника толку от него было бы немного. Но держать его оказалось спокойнее, чем стоять с пустыми руками.

Сначала посмотреть. Если спуск слишком крутой, уйду.

Я нащупала ногой выступ, ухватила за ветку и осторожно перенесла вес. Земля осыпалась, но корни держали. Ниже росли кусты; за них тоже можно было цепляться.

Вдох. Выдох.

«Найду птицу — и в пещеру. Стрелы, если что, поищу утром».

Я спускалась боком, придерживаясь свободной рукой за ветви. Пальцы на рукояти ножа затекли. Внизу было темнее, чем наверху, и пахло сырой землёй.

На миг всё стихло.

Сбежал?

Я остановилась, вслушиваясь. Потом осторожно сделала ещё шаг туда, где совсем недавно слышалась возня.

И замерла.

Он видел меня.

Уж точно не этого подранка я собиралась найти.

Глава 2

Бежать.

Несколько мгновений я только смотрела на него, забыв даже вдохнуть. Потом попятилась. Под пятку попал камень, ноги разъехались, и я рухнула на ладони.

Больно. Некогда.

Я отползла, кое-как поднялась и бросилась вверх по склону. Ветки хлестали по лицу, ботинки скользили по земле. Выбравшись из лощины, побежала между деревьями, пока в груди не закололо так, что пришлось остановиться.

Ухватила за ствол, согнулась, пытаюсь отдышаться.

За мной никто не гнался.

Ни треска ветвей, ни тяжёлых шагов. Только мой собственный хрип.

Я оглянулась.

Почему?

Нужно было уходить. Немедленно. Пока ещё могла.

Но по телу вдруг прокатилось тепло, и сквозь страх проступило другое чувство — странная уверенность. Там, внизу, пахло кровью. Я заметила это ещё до того, как побежала, только тогда было не до запахов.

Он ранен.

Откуда я знала, что это его кровь, а не остатки растерзанной добычи? Не могла объяснить. Просто знала.

Постояла, вцепившись в кору, и выругалась.

Потом вернулась.

В этот раз я остановилась на краю лощины и долго всматривалась в темноту. Существо лежало там же. Следило за мной, но не поднималось.

Я спустилась на несколько шагов.

Низкий рык прокатился по склону. В темноте что-то тяжело шевельнулось.

Пальцы ещё сжимали нож. Даже во время бегства я его не выпустила. Теперь рукоять казалась нелепо маленькой: здоровый зверь справился бы со мной раньше, чем я успела бы замахнуться.

Я убрала нож в ножны и показала пустые ладони.

— Не бойся. Я тебя не обижу.

Если он понимал человеческую речь, сейчас было самое время это выяснить.

Ещё шаг — и он зашипел. Я остановилась. Подождала, пока голова снова опустится на землю, и только тогда подошла ближе.

Крылья.

У него были крылья.

Я разглядела вытянутую голову, острые выступы на ней, тёмную чешую. По спине и хвосту шли ряды заострённых пластин. Шипы на голове складывались в подобие короны.

Дракон.

Не огромная гора, способная проглотить дом, как рассказывали на ярмарках. Этот был крупнее коровы, и мне вполне хватало его размеров.

Красивый. Даже сейчас, когда едва держал голову.

Как же мне повезло, что он ранен.

От этой мысли стало стыдно. Но себя в его пасти я жалела бы ещё больше.

Я осторожно протянула руку. Коснулась бока — и замерла. Чешуя была гладкой, словно отполированной, холодной и твёрдой. Под пальцами выступали небольшие острые шипы.

Дракон поёжился. Я отдёрнула руку.

— Прости. Никогда таких не видела.

Он смотрел прямо на меня.

— Я хочу помочь. Дай сначала понять, что с тобой случилось.

Левое крыло лежало неловко, часть его терялась в траве. Я попробовала приподнять край и сразу поняла: не справлюсь. Слишком тяжёлое.

Сколько он здесь пролежал? И не из-за него ли исчезла крупная дичь?

Любой деревенский на моём месте побежал бы за людьми. Пока зверь беспомощен, можно убить его, а потом распродать всё, от зубов до последней чешуйки. Драконьи трофеи стоили бы целого состояния.

Дом. Хороший лекарь для Энны. Денег столько, что о свадьбе можно было бы больше не думать.

Я посмотрела на его неподвижную голову.

Он даже не пытался отогнать меня снова.

— Кто же тебя так потрепал, громила? Надеюсь, он далеко. Второго такого знакомства я сегодня не переживу.

Сняла рюкзак и отвязала птиц от пояса.

Сначала огонь. В этой темноте я ничего толком не видела.

Сухие ветки нашлись под деревьями. Пришлось повозиться, прежде чем огонь разгорелся. Я расчистила вокруг него землю и соорудила факел.

При свете стало видно больше, чем хотелось.

Левое крыло было разорвано в нескольких местах. На боку темнели три глубокие раны. Кровь ещё сочилась, хотя местами уже успела засохнуть. Из бедра задней лапы торчал толстый обломок ветки.

Я присела рядом, не касаясь его.

Выдернуть? А если от этого станет хуже? И сил мне едва ли хватит.

Пока оставила как есть.

В рюкзаке были травы, чистые тряпицы, игла и нитки. На охоту без них я давно не ходила. Для моих собственных неприятностей запасов обычно хватало. Для дракона — смешно даже думать.

И всё же руки уже перебирали свёртки.

Выживать в лесу я умела. Не помнила, как училась, у кого, когда. Просто в нужный момент знала, какую траву ис-

кать, что взять с собой, как устроить укрытие. Иногда нужное всплывало в памяти только после того, как я успевала как следует испугаться.

Может, раньше жила у целительницы?

Сейчас бы вспомнить побольше.

Я побродила вокруг лощины с факелом, собрала то, что смогла найти, и вернулась к костру. Разложила травы, принялась разминать и смешивать. Названия некоторых так и не пришли в голову, но листья я узнавала сразу.

Дракон лежал тихо. Иногда поворачивал голову вслед за мной.

Интересно, он умеет думать? Дышит огнём? И правда спит на золоте? Вопросов было столько, что они на время вытеснили даже мысли об Энне.

Ненадолго.

Тётушка уже наверняка не находила себе места. Я обещала вернуться, а теперь сидела в лесной яме и готовилась лечить существо, которое могло перекусить меня пополам.

Как это объяснить дома, я не представляла.

Луна поднялась над деревьями. Небо было чистым, ветер неожиданно потеплел. Я сняла руки с колен и поднесла к огню: они всё равно дрожали, теперь ещё и от усталости.

Вокруг стояла странная тишина. Ни возни в кустах, ни близких птичьих криков. Только листья шелестели наверху.

Неужели его боятся даже раненого?

Пожалуй, я их понимала.

Перед тем как подойти снова, нашла крепкую палку и привязала к её концу нож. Хоть какое-то расстояние между мной и его зубами.

На ярмарках рассказывали, что драконы похищают деревенских девиц и проглатывают их целиком. Сказители вообще любили такие подробности. Посмотрела бы я, как они вели бы свои рассказы здесь, рядом с этой пастью.

Я нагрела лезвие у огня и остановилась возле бока.

— Будет больно. Только не двигайся.

Он дёрнулся в тот же миг, когда я коснулась раны. Рык отдался у меня в животе. Я отскочила, едва не выронив палку.

Но дракон не повернулся ко мне. Застыл, вдавив лапу в землю.

Терпел.

— Молодец, — выдохнула я. — Ещё немного.

Второй раз подойти оказалось труднее. Я уже знала, как он может рыкнуть.

Всё-таки подошла. Сделала, что сумела, закрыла раны приготовленной смесью. Дракон тяжело дышал, вздрагивал под руками, но позволял мне продолжать.

Крыло оставила до утра. В таком свете я скорее испортила бы его окончательно. Ветка тоже осталась в лапе: за неё я пока даже браться не решалась.

— На сегодня всё. Попробуй поспать. Завтра займёмся остальным.

Он не сводил с меня глаз.

— Если ты, конечно, не передумаешь.

Сил у меня не осталось даже на страх. Я подбросила в костёр толстых веток, расстелила у огня свою куртку и легла. Отпила немного сладкой воды, прижала рюкзак к боку.

До рассвета оставалось совсем чуть-чуть.

Проснулась от того, что мокрая трава коснулась голой лодыжки.

Холодно. Сыро. Всё болит.

Казалось, я только закрыла глаза, а солнце уже пробивалось сквозь золотую листву. В костре ещё теплились угли. Желудок свело от голода.

Я осторожно повернула голову.

Дракон спал.

При дневном свете удалось разглядеть цвет: тёмно-бордовый, как спелая черешня. На лбу поблёскивали золотые чешуйки. Грудь медленно поднималась и опускалась.

Живой.

Я ещё немного полежала, наблюдая за ним, потом поднялась. Взяла флягу, рюкзак и лук и пошла к ближайшему ручью.

По дороге допила сладкую воду и доела хлеб с сыром. Стало полегче.

Умылась, смыла с рук грязь и остатки трав. Над водой задержалась, разглядывая отражение. Большие зелёные глаза, слипшиеся от воды ресницы, потрескавшиеся губы. Чёрные

пряди выбились из косы. В волосах застряла сухая трава.

Тоже, пожалуй, страшилище. Неудивительно, что он всю ночь за мной наблюдал.

Я вытряхнула из волос то, что удалось найти, набрала воды и отправилась обратно. По пути подбирала сухие ветки и подходящие травы.

На краю лощины остановилась.

Сверху дракон казался ещё красивее. Свет скользил по чешуе, зажигал красные отблески, подчёркивал каждую линию тела. Я смотрела на него и никак не могла свыкнуться с тем, что всё это происходит со мной.

Вчера были безуспешная охота, тётушкины наставления, разговоры о свадьбе. А теперь — он.

Возвращаться к прежней жизни совсем не хотелось.

Я спустилась, нарочно наступая погромче: будить дракона неожиданным прикосновением было бы слишком смело даже для меня.

— Эй, громила. Я вернулась.

Он фыркнул, не открывая глаз.

— Раздобыла для тебя ещё трав. И крылом сегодня займёмся. Но сначала мне надо поесть. Иначе лечить придётся уже двоих.

Подбросила дров и принялась за птиц.

Одну приготовила себе. Две оставшиеся положила перед драконом, поближе к голове.

Делиться добычей не хотелось. Я столько времени потра-

тила, чтобы хоть что-нибудь принести домой. Но голодного дракона рядом с собой хотелось ещё меньше.

— Больше пока нет. Не обессудь.

Мясо казалось лучшим, что я когда-либо ела. Отложила немного на потом и уселась у огня.

Солнце пригревало. На минуту прикрыла глаза.

И уснула.

Когда проснулась, дракон смотрел на меня.

Птиц перед ним уже не было.

— Ну вот. Значит, полегчало.

Я села, потёрла лицо. Судя по солнцу, утро давно закончилось.

— Мне нужно посмотреть твои раны.

Старалась говорить уверенно. Получалось, наверное, не очень: дракон поднял голову, и я сразу вспомнила, что сидела слишком близко к его пасти.

Обошла его, приподняла вчерашние повязки. Раны на боку уже затягивались. Не просто перестали кровоточить — стали заметно меньше.

Я смотрела, не веря глазам.

Если бы люди могли так заживать, лекарь давно остался бы без работы.

Сменила травы и осторожно погладила гладкую чешую.

— Смелый ты. Так близко человека подпустил. Я думала, вы нас недолюбливаете.

По спине дракона прокатилось напряжение. Он шевельнулся, приподнял голову выше.

Я отступила. Ещё шаг — и села на землю, больно ударившись.

А дракон всего лишь расправил левое крыло.

Медленно, с усилием протащил его по траве и положил так, чтобы я могла подойти к разрывам.

Я сидела и смотрела.

— Значит, всё-таки понимаешь?

Крыло оставалось неподвижным.

В отличие от моих рук.

Я поднялась, отряхнулась и достала иглу с нитками. Вчера ещё можно было обещать что угодно. Сегодня он ждал, что я выполню обещание.

Чужие раны я никогда не зашивала. По крайней мере, не помнила этого. Но стоило присесть возле крыла, как в голове начали складываться движения: где придержать, как соединить края, куда вести иглу.

Знание было. Уверенности — нет.

Может, у драконов есть собственные целители? Кто-то, кто знает, как им помочь? Где его искать? И есть ли вообще кто-нибудь, кто ищет этого?

Никого, кроме меня, в лощине не было.

Я разложила на чистой тряпице всё, что приготовила, и села поближе к разорванной перепонке. Она оказалась мягче чешуи, но плотной, тугой. Самый большой разрыв тянулся

почти на десять дюймов.

— Слушай внимательно. Будет больно. Если придавишь меня, помочь тебе станет некому.

Он фыркнул. Из ноздрей вырвался лёгкий дымок.

Я невольно улыбнулась.

— Так и знала. Всё-таки огнём дышишь.

Потом посмотрела на разрыв, и улыбка пропала.

— И ещё. Меня наверняка уже ищут. Если люди придут сюда, пока ты не можешь улететь, добром это не закончится. Поэтому давай постараемся.

Я принялась за работу.

Первые движения давались хуже всего. Дракон вздрагивал, я замирала вместе с ним, ждала и продолжала. Игла не хотела проходить сквозь плотную кожу. Без напёрстка пришлось подталкивать её куском собственного ремня.

В какой-то момент я оглянулась — и увидела пасть прямо у своего плеча.

Дракон выгнул шею так тихо, что я ничего не услышала. Теперь наблюдал за моими руками с неприлично близкого расстояния.

— Мы же договорились, громила, — сказала я, стараясь не смотреть на зубы. — Я шью, ты лежишь. Убери голову.

Он не двигался.

— Пожалуйста.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Потом голова чуть отделилась.

Я выдохнула и снова повернулась к крылу.

Зачем я вообще осталась? Могла бы сейчас сидеть дома. Выслушать всё, что обо мне думает тётушка, поесть, лечь в нормальную постель.

Или вернуться сюда через несколько дней, когда бояться было бы уже некого. С людьми. За трофеями.

Я затянула очередной стежок и отогнала мысль.

Он доверился мне.

Когда закончила, руки уже не слушались. Ремень был весь исколот. Я откинулась назад и некоторое время просто смотрела в небо.

Облака ползли между верхушками деревьев. Ветер усиливался.

Дракон осторожно шевельнул крылом.

— Не трогай пока, — попросила я. — Дай хоть немного побыть целым.

Он снова уложил его на землю.

Теперь ветка.

Пока шила, я всё думала, как её вытащить. Одними руками не справилась бы. Даже если дракон позволит подойти, силы не хватит.

Нужна верёвка.

В пещере она была. До неё примерно два часа пути — и столько же обратно.

Я повернула голову к краю лощины. Домой идти было ещё

дальше. Энна, наверное, уже подняла на ноги половину деревни.

Можно было уйти сейчас. Рассказать, где я была, привести кого-нибудь на помощь.

Я представила людей с топорами, окруживших раненого дракона.

Нет.

Кое-как поднялась. Ноги затекли, пришлось немного походить возле костра, прежде чем смогла собрать вещи.

— Я ненадолго. Постарайся ничего больше себе не испортить.

Дракон проводил меня взглядом.

В пещере было сыро и холодно.

Я задержалась на входе. Матрас на полу, полка с травами, книги. Две по травоведению, одна о животных и ещё одна, которую я перечитывала, когда совсем не хотелось возвращаться домой. Мешки с сушёными грибами и ягодами, инструменты, всякие мелочи, которые я таскала сюда целый год.

Мой лесной дом.

Стоило забраться внутрь, как навалилась усталость. Хотелось лечь, укрыться старым плащом и остаться здесь. За каменными стенами гулял ветер, где-то далеко ворчало небо.

Я провела пальцами по пыльной полке.

Нельзя.

В лощине меня ждали.

Верёвку нашла только после того, как перетряхнула три мешка. Взяла ещё плащ, закинула всё в рюкзак и выбралась наружу.

Когда-нибудь надо будет утеплить вход. Только не сегодня.

Обратно идти было тяжелее. Ветер бил в лицо, мокрые пряди лезли в глаза. Плащ то путался в ногах, то раздувался за спиной. Я цеплялась взглядом за знакомые деревья и заставляла себя двигаться дальше.

В такие минуты всегда хотелось получить какой-нибудь дар. Не самый великий. Хотя бы перестать уставать. Или научиться видеть в темноте.

Магия в мире была. Все это знали. Говорили, она есть даже в людях, только пользоваться ею умеет далеко не каждый. Одним сила достаётся от рождения, другим приходится долго учиться, а третьим никакая учёба не помогает.

Я бы согласилась начать с самого малого.

С ног, которые больше не болят.

Путь туда и обратно занял не меньше четырёх часов. Когда вернулась, солнца уже не было видно за тучами. До настоящего заката оставалось время, но в лесу темнело.

Дракон приподнял голову.

Он выглядел бодрее. Глаза следили за мной внимательно, дыхание стало ровнее. Я спустилась — и он слегка склонил голову, будто приветствуя.

Остановилась перед ним.

Так просто. Будто ждал именно меня и знал, что я вернусь.

Сейчас вытащу ветку. Он окрепнет, улетит. Я пойду домой и буду вспоминать эту встречу всю оставшуюся жизнь.

От этой мысли защипало глаза.

Не хотелось прощаться. Глупо было жалеть о том, что существо, которое я спасала, сможет наконец уйти. Но я жалела. Здесь, рядом с ним, мир оказался больше всего, что я знала до сих пор. А впереди снова были деревня, зима и свадьба, о которой меня почти не спрашивали.

Я торопливо вытерла щеку.

И вдруг по телу разлилось тепло.

Я задержала дыхание. Оно пришло не от костра — тот давно погас. Не от движения. От дракона.

Не слова. Даже не мысль, которую можно повторить.

Благодарность.

Я чувствовала её так ясно, словно он произнёс её вслух.

— Спасибо, — прошептала и протянула ладонь, собираясь коснуться его головы.

Кожу обожгло.

Я дёрнулась, но руку не убрала. Над ладонью закружились красные искры. Между ними мерцала радужная пыль, стягивалась всё теснее, пока в самом центре не проступило что-то плотное.

Ещё мгновение — и на руке лежал камень.

Тёмно-красный. Как его чешуя.

Я переводила взгляд с ладони на дракона и обратно. Никак не могла решить, что говорить. Даже боль забыла.

Он снова склонил голову, потом отвернулся и фыркнул. Подарок?

Камень был небольшим, около трети дюйма, но для драгоценности — если это драгоценность — казался огромным. Похожие я видела только на картинках.

— Я же ещё не закончила, — сказала наконец. — Надеюсь, ты не решил со мной попрощаться?

Дракон рыкнул.

— Ладно, ладно. Вытащим твою палку. Я за этим и ходила.

Уже не сомневалась, что он понимает.

Спрятала камень поглубже в рюкзак и обошла дракона. На боку от страшных ран остались только следы. Крыло тоже выглядело лучше, чем несколько часов назад.

Почему он не мог исцелиться без меня? Что ему мешало?

Я посмотрела на ветку.

Может, всё дело в ней.

Заморосил дождь.

Я доела оставленный кусочек птицы и принялась устраивать укрытие. Соорудила из прутьев небольшой каркас, натянула плащ под наклоном. Толку от дырявой ткани было немного, но лучше, чем ничего. Под краем навеса снова разожгла костёр.

Затем взяла верёвку.

Идея была безумной. Другой у меня не было.

Осторожно обвязала торчащий обломок ветки. Дракон напрягся при первом же прикосновении, зашипел.

— Знаю. Потерпи.

Он выпускал дым из ноздрей, и я старалась не думать о том, что может последовать за дымом.

Оставалось найти опору для верёвки. У края лощины росло дерево с толстой ветвью, выступавшей над склоном. Если перекинуть через неё верёвку, а самой резко потянуть свободный конец вниз, моего веса, возможно, хватит.

Я прошла от лапы к дереву, прикидывая направление. Не хотелось вывернуть деревяшку поперёк раны. Выбрала место, где верёвка должна была тянуть её наружу, и полезла.

Дождь усилился. Волосы липли к лицу, одежда тяжело тянула вниз. Ладони скользили по мокрой коре.

До ветви добралась с трудом. Перекинула верёвку, начала спускаться — и нога сорвалась.

Я ухватилась за ствол. Проехала по нему, обдирая руки, и свалилась на землю.

Некоторое время сидела, глядя перед собой.

Потом выругалась. Длинно и с чувством.

Дракон повернул голову.

— Всё в порядке, — сказала я сквозь зубы. — Не отвлекайся.

В порядке было мало что. Ладони горели, руки до локтей

были исцарапаны. Но верёвка осталась на месте.

К свободному концу я привязала крепкую короткую палку, чтобы держаться за неё обеими руками. Проверила узел. Потянула осторожно — дракон вздрогнул.

Значит, работает.

Оставалось снова забраться наверх и прыгнуть. Так, чтобы натянувшаяся верёвка выдернула ветку раньше, чем я коснусь земли.

Во второй раз я лезла медленнее. Пальцы плохо слушались, колени дрожали. Наконец устроилась на ветви, крепко взялась за палку и посмотрела вниз.

Дракон ждал.

— Эй, громила! — крикнула я, перекрывая шум дождя.
— Сейчас дёрнет. Постарайся не шевелиться!

Он прижал голову к земле.

Я набрала воздуха.

И прыгнула.

Верёвка натянулась.

Ослепительная вспышка.

Я не успела понять, вырвалась ли ветка. Что-то ударило меня, отшвырнуло в сторону.

Дерево.

Боль.

Темнота.

Глава 3

— Так больше не может продолжаться. В этот раз я отдала часть сбережений. А в следующий что?

— Подождать-то всего год осталось...

— Не могу я больше ждать. Да и кому теперь дело, сколько ей лет?

— А если она будет против?

— С чего бы? Молодой, красивый, при деньгах. Повезёт, если ещё на службу не заберут.

— Энна, а чувства?

— Маргарет, какие чувства? Дай боги, чтобы у девчонки хоть голова сейчас была в порядке. Связалась на свою голову. Пожалела, а теперь чуть с ума вместе с ней не сошла.

— Хорошая она, Эн. Ты ведь так хотела девочку. Радовалась, что ребёнок в доме появился. А теперь спешишь избавиться.

— Я ей плохого желаю, что ли? Лучше жениха не сыскать. Я за ним наблюдала, характер хороший. Пройдут годы — ещё благодарить будет. Слюбится.

Мне было тепло.

Наконец-то тепло и сухо. Под спиной — мягкий матрас. Пахло хлебом. Голоса доносились совсем рядом, но я никак не могла понять, где нахожусь.

Приоткрыла глаза и тут же зажмурилась. Даже тусклый

свет отозвался болью в голове.

Дома. Кажется, я дома.

— Дори сказал, она лежала у дерева, вся мокрая, в крови,

— продолжила Маргарет. — Что же с ней случилось?

— Не знаю. Может, упала. Пряталась от зверя или в засаде сидела. Какого дряхлого демона не вернулась вечером?

— Хорошо, что нашли. Столько времени в осеннем лесу...

— Две ночи. И хоть бы лихорадка. Её здоровью только позавидовать, даже сейчас.

Лес.

Что я там делала?

Мысли не складывались. Хотелось только снова закрыть глаза и не слышать ни о каком женихе.

Голоса стихли. Потом кто-то подошёл, осторожно положил ладонь мне на лоб.

Энна.

Я узнала её прикосновение и провалилась в сон.

В следующий раз проснулась утром.

Солнце лежало на полу длинной оранжевой полосой. За стеной тихо звякала посуда. Я приподнялась, поморщилась и потрогала затылок.

Шишка.

Лес. Охота.

Вальдшнепы.

Подранок.

Я резко села.

Дракон!

Где он?

Попыталась вскочить, но пол качнулся под ногами. Пришлось ухватиться за край кровати и постоять, пока комната не перестала кружиться.

На мне была ночная рубашка. Не та одежда, в которой я ушла.

Дерево. Верёвка. Прыжок.

Вспышка.

— Ани?

Энна остановилась в дверях.

— Тётя, как я оказалась дома?

Она бросилась ко мне, крепко обняла. Я уткнулась носом в её плечо и на мгновение забыла обо всём остальном.

— В себе, — прошептала она. — Слава богам. А я уже боялась...

— Кто меня принёс?

Тётушка отстранилась, но рук с моих плеч не убрала.

— Наши мужчины. Дори тебя увидел. На третий день нашли, Ани. Ты хоть понимаешь, что я пережила? Пришлось людей собирать, платить... Какое счастье, что успели раньше зверей.

— А больше там никого не было?

— Кого ещё?

— Не знаю. Я просто... Что со мной случилось?

— Решили, что с дерева упала. Головой ударилась. Посмотри на руки. Зачем ты так далеко забралась?

Я опустила глаза. На предплечьях тянулись ссадины, пальцы распухли. Всё отзывалось тупой болью.

— Боялась вернуться с пустыми руками.

Энна вздохнула.

— Больше никакой охоты. Посмотри, до чего довела себя. Исхудала, одни кости. Кто тебя такую замуж возьмёт?

— Замуж?

Вспомнились голоса над кроватью.

— Да, Ани. Тебе нужен муж. Чтобы было кому охотиться, дом содержать. Будет своя семья, хозяйство. Платья хорошие, а не эти обноски. Сможешь огородом заниматься, детей растить...

Она говорила всё быстрее, словно перечисляла доводы, которые боялась забыть.

— Я выбрала тебе прекрасного мужа. С деньгами у него всё ладно. Может, даже помощницу возьмёте. Не придётся надрываться.

Я молчала.

— Одевайся. Завтрак на столе.

Энна убрала прядь с моего лица, задержала пальцы у виска.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— Сегодня лекарь придёт. Пусть посмотрит.

Ещё деньги. Из тех, которые мы берегли на зиму.

Я дождалась, пока она выйдет, и оглядела комнату. Две кровати, тяжёлые низкие тумбы у стены, полупустой шкаф. В углу стояли корзины, оставшиеся после ярмарки: Энна наплела больше, чем смогла продать. За тонкой занавеской светилося наше большое окно.

Всё знакомое. Всё на месте.

Только рюкзака не было.

Я натянула хлопковую рубашку, серый сарафан, затянула пояс и вышла в кухню.

Энна наливала чай. Я села, оглядывая углы, лавку у двери, крючки на стене.

— Что озираешься? — спросила она. — Вещи на веранде. Никуда не денутся.

Пододвинула булочку и блюдо с ревеневым вареньем.

— Ешь. Смотреть на тебя невозможно.

Я откусила, хотя хотелось немедленно бежать на веранду.

Значит, рюкзак нашли. А дракона — нет. Он успел улететь? И вспышка... Что это было?

— Теперь рассказывай, — сказала Энна.

Я подняла глаза.

— Что случилось в лесу? Откуда эти ссадины?

Провела пальцем по краю блюда. Под рёбрами неприятно тянуло на каждом вдохе. Спина была будто деревянная.

Стоило пошевелиться — и сразу вспоминались все вчерашние падения.

Не вчерашние. Уже позавчерашние.

— Не помню.

Произнесла тихо и не стала смотреть на тётушку.

— Совсем?

— Кусками. Я не понимаю, что случилось. Кто меня искал?

— Десять мужчин пошли. И твой будущий муж тоже. Многие встревожились, когда узнали, что ты пропала.

Я отложила булочку.

— Значит, всё-таки замуж.

— Да, милая.

— Пусть ждёт. Год. Лучше три.

— Нет, Ани. Я уже договорилась. Свадьба скоро.

Я встала так резко, что табуретка скрипнула по полу.

— Но ты обещала!

— А ты обещала к вечеру вернуться.

От этого ответа стало жарко.

— Это не одно и то же.

— Думаешь, все отправились бы искать тебя за мои жалкие монеты? — голос Энны дрогнул. — Я не могла отдать всё. Нам ещё жить на что-то надо. Часть расходов взял на себя Хёрт.

Я смотрела на неё, уже зная, что услышу дальше.

— Он попросил меня дать слово: в ближайший месяц ты

выйдешь за его сына.

— Попросил?

Энна отвела глаза.

— Ты согласилась? Даже не спросив меня?

— Ани...

— Мне семнадцать.

— Годом раньше, годом позже. Ты взрослая девушка. Все когда-то выходят замуж.

— Только не ты!

Она вздрогнула. Я увидела это и всё равно не смогла остановиться.

— Ты не имеешь права.

Голос сорвался. Я выбежала на веранду, схватила рюкзак. Ботинки стояли рядом с выстиранной охотничьей одеждой. Сунула в них ноги и сбежала с крыльца, кое-как затягивая шнурки.

— Ани, куда ты?

Я не ответила.

— К обеду вернись! Лекарь придёт!

До Викиного дома дошла почти бегом. Слезы мешали смотреть, голова разболелась ещё сильнее. Я повторяла про себя одно: хоть бы дома. Пожалуйста, хоть бы дома.

Шторм залаял, как только я толкнула калитку. Не обратила внимания. Поднялась на крыльцо — и дверь открылась.

— Ани!

Я уткнулась в подругу, не успев ничего сказать.

— Мы так волновались. Что с руками? Тебе больно? Почему плачешь?

Вики втянула меня в дом, усадила к столу.

— Она отдаст меня через месяц.

— Кто? Куда?

— Энна. Замуж.

Подруга застыла с кружкой в руке.

— Через месяц?

Я кивнула.

— Хёрт заплатил за поиски. А она согласилась.

Вики поставила кружку. Взяла тяжёлый чайник, поднесла к печи. Я смотрела ей в спину и ждала, что она возмутится. Скажет: нельзя так. Придумает, как всё отменить.

— Матушка с братьями в поле, — произнесла она наконец. — Здесь можем поговорить.

Села рядом, накрыла ладонью мою руку.

— Ани, тебя правда нашли только вчера? Энна говорила, ты на один день ушла. Братья тоже хотели идти искать, но их не взяли.

— Вики. Что мне делать?

Она помолчала.

— Они давно ждали случая, — сказала тихо. — Энна не соглашалась выдавать тебя до восемнадцати. Пугала, но держалась. А Эшер не передумал. Ему уже двадцать четвёртый год идёт. Старик, видимо, устал ждать.

— Мне надо бежать.

— Куда?

Я посмотрела в окно.

В город. В лес. Куда угодно, где никто не будет говорить со мной так, будто всё уже решено.

— Ани, он самый обеспеченный жених в округе. И ждал именно тебя.

— Я его ждать не просила.

— Знаю.

Чайник засвистел. Вики сняла его с печи, налила чай и снова присела.

— Но ты ведь понимаешь, какой Хёрт упрямый. А сын ещё хуже. Сколько раз отец пытался его женить? Он от всех отказался. Теперь, когда Энна дала слово, просто так они не отступят.

Я закрыла лицо ладонями.

— Почему нельзя жить одной? Как Энна.

— Ей самой тяжело.

— А мне не тяжело?

Вики обняла меня.

— Я тоже боюсь, — призналась она. — Но все через это проходят. Дом, дети... Нас к этому и готовят.

Мне хотелось, чтобы она обняла крепче и больше ничего не объясняла.

Наша деревня вдруг стала тесной. Дома, поля, знакомые лица — всё, что за четыре года успело стать родным, теперь

будто смыкалось вокруг меня.

Мы не жили в глуши. До города была неделя пути пешком, верхом быстрее. Земли плодородные, торговля шла хорошо. Крепкие дома, ухоженные дворы. У Хёрта дом вообще в три этажа.

Тяжело приходилось тем, кто не мог много работать. У Энны болели ноги и спина. Мы держали одну козу, обрабатывали столько земли, сколько успевали. В семьях, где было больше рабочих рук, и денег водилось больше.

Я всё это знала. Только от знания легче не становилось.

Я знала и про Эшера. Кого прочили мне в мужа, давно перестало быть тайной. Каждый день надеялась: встретит другую. Передумает. Отец уговорит. За год ещё многое может случиться.

Теперь года не было.

А из-за его упрямства меня уже который год обсуждали. Девушки, которым он отказал, шептались за спиной. Кто-то жалел, кто-то завидовал, кто-то пересказывал слухи, от которых я сама узнавала о себе много нового.

В этом году меня успели назвать проклятой ведьмой.

Вот уж до чего я не додумалась бы сама.

— Только не вздумай бежать, — сказала Вики, глядя меня по волосам. — В лесу не перезимуешь. А в городе без денег, без родных... Чем жить будешь?

— Найду работу.

— Какую? Кто тебя там ждёт?

Ответа не было. Я ненавидела это больше всего.

Вики всегда умела успокоить. Рядом с ней становилось теплее, даже когда она говорила то, чего я не хотела слышать. Иногда мне казалось, в ней тоже есть магия. Только хорошая — такая, от которой легче дышать.

— Подружись с ним, — попросила она. — Он любит тебя. Может, всё окажется совсем не таким страшным.

— Ты говоришь, будто сама по нему сохнешь.

— Не выдумывай. Я знаю его с детства. И всю семью знаю. Старик вредный, но сыновей воспитал хорошо.

— Да. За мои поиски такую плату взять не постеснялись.

— Не все готовы были идти бесплатно. Кого-то от работы оторвали, кому-то Хёрт денег дал. Энна отдала, что смогла, собрала еду в дорогу...

— Он купил мой год. Воспользовался тем, что она испугалась.

Вики резко поднялась. Табуретка качнулась, она успела придержать её рукой.

— Ани, подумай об Энне.

Я замолчала.

— Она взяла тебя, когда никто о тебе ничего не знал. Выходила. Четыре года заботится. А ты только о том, как сбежать.

— Я бы её не бросила.

— Из города? Без денег? Чем бы ты помогла? Выйдешь замуж — и сама не будешь голодать, и ей станет легче. Выкуп

Хёрт даст хороший.

Я уставилась на кружку. Чай давно перестал дымиться.

— Надо быть благодарной, — добавила Вики уже тише.

— Не каждая мать так заботится, как о тебе Энна.

Это слово я слышала слишком часто.

Благодарной.

Я и была благодарна. Только почему каждый раз оказывалось, что благодарность нужно доказать именно тем, чего я больше всего боюсь?

Потёрла мокрую щёку. Уехать одной я могла хотя бы вообразить. Оставить Энну без помощи — нет.

— Ладно, — Вики снова села. — Ты успокойся. И расскажи, что в лесу случилось.

Я подняла голову.

В этот момент Шторм залаял. Загремела цепь.

— Ах, совсем забыла, — сказала Вики и подошла к окну.

— Что?

— Матушка просила забрать починенные снасти и отнести деньги Хёрту. Видимо, сами принесли.

Я вскочила, выглянула из-за её плеча.

У калитки стоял Эшер.

Высокий, широкоплечий, светловолосый. Чисто выбритый, в хорошей дублёрке. Я всегда старалась не смотреть в его сторону, не давать лишнего повода заговорить. Теперь же никак не могла отвести взгляд.

Что он во мне нашёл?

Я отступила от окна прежде, чем он успел поднять глаза. Вики взяла деньги и вышла. Через стекло я видела, как она забрала свёрток, передала плату. Они ещё немного поговорили. Эшер кивнул и ушёл.

Когда подруга вернулась, я уже стояла с рюкзаком.

— Мне пора.

— Ты чай даже не выпила.

Она запуталась в юбке, снимая обувь у порога, чуть не упала и сердито одёрнула подол.

— Как же надоели эти полы! Тебе хоть брюки носить разрешают.

Я невольно улыбнулась.

— Твоя матушка всё ещё уверена, что в юбке вся женская сила?

Вики развела руками.

— Попала бы к ней — давно была бы замужем.

— Я бы таскала брюки твоих братьев.

— Она бы тебя догнала.

Я рассмеялась, впервые за утро.

Вики тоже улыбнулась, но потом снова посмотрела внимательно.

— Может, ещё посидишь? Ты ведь так и не рассказала, что случилось.

Рассказывать не хотелось.

Обо мне и без драконов достаточно говорили. Раньше я

делилась тем, что помнила, рассказывала о снах. Потом заметила, как меняются лица слушателей, и перестала.

Некоторые воспоминания совсем не вязались с деревенской жизнью. В первые два года Энна возила меня в город. Заказывала портреты, оставляла их там, где вывешивали объявления о пропавших. Надеялась, что кто-нибудь узнает.

Никто не узнал.

Мы даже ходили в библиотеку, рассматривали изображения дворцов, правителей и их семей. Тётушка думала, что я могла родиться в богатом доме. Потом решила: скорее всего, была дочерью служанки, а от меня избавились.

Она сама придумала это объяснение и сама ужасно на него злилась. Ругала тех, кто бросил ребёнка. Говорила, что из её дома я уйду только туда, где обо мне смогут позаботиться.

Я не знала, правда ли меня бросили. Но со временем это объяснение стало казаться самым вероятным. Никто не пришёл. Никто не узнал портрет.

Энна забрала меня к себе, потому что не могла оставить беспомощную девчонку на берегу. Я была благодарна ей. Любила её. Только иногда думала: наверное, всё началось с жалости и так ею и осталось.

Я старалась быть полезной. Приносить добычу, помогать по дому, зарабатывать хоть немного. Мне было спокойнее, когда я знала, за что меня можно оставить рядом.

Поиски прошлого постепенно прекратились.

— Лекарь придёт, — сказала я Вики. — Энна велела вернуться к обеду.

— Ты точно не сбежишь?

— Не сегодня.

Она нахмурилась.

— Ани.

— Я вернусь домой.

Вики обняла меня. Я прижалась к ней, усталая и опустошённая.

— Спасибо. Мне легче.

Это было правдой. Я хотя бы перестала плакать.

— Скоро тебе не придётся всё тащить самой, — сказала она.

Не знала, что ответить.

— Давай дам куртку. Лужи замёрзли, а ты в одном сарафане.

— Добегу. Тебе самой пригодится, если в поле пойдёшь. У вас ведь не десять курток на каждого.

Вики вздохнула.

— Хотя бы по дороге нигде не задерживайся.

На крыльце я огляделась. Никого.

Все разошлись по делам. Улица была пустой, только где-то далеко переговаривались дети. Я поправила рюкзак и направилась к калитке.

Потом остановилась, раскрыла его и быстро проверила ве-

щи.

Тряпицы, нитки, нож. Куртка лежала сверху, ещё влажная после стирки. На дне, в складке ткани, нашёлся красный камень.

Я накрыла его ладонью и выдохнула.

Значит, не приснилось.

Убрала всё обратно. Мокрую куртку надевать не хотелось, и я затянула лямки, решив идти быстрее.

По центральной улице можно было добраться домой совсем скоро. Но там меня наверняка кто-нибудь увидит. Распухший нос, ссадины на руках — новый повод для разговоров.

Даже площадь с деревянным барсом, символом нашей области, обходить сегодня хотелось стороной.

Я свернула за Викин забор, прошла через полынь и выбралась на узкую тропку между дворами. Путь получался длиннее, зато почти безлюдный.

Мокрые стебли хлестали по рукавам. Ветер пробирался под тонкую ткань. Я обхватила себя руками и прибавила шагу.

Энна, конечно, испугалась. И имела право злиться. Когда меня принесли, она ведь ещё не знала, приду ли я в себя.

Вспомнилась её ладонь на моём лбу.

Потом — разговор о свадьбе.

Я пыталась представить, как вернусь, сяду за стол и спокойно скажу: согласна. Ради неё. Потому что она однажды

взяла меня домой и теперь снова спасла.

Только от этой мысли всё внутри сжималось.

Зубы начали стучать. Быстрый шаг уже не согревал. Ещё немного — и дом.

Я смотрела под ноги, поэтому чужие ботинки заметила слишком поздно.

Врезалась лбом в мужскую грудь.

— Я думал, ты хотя бы раз поднимешь глаза.

Отскочила.

Эшер.

Вот уж кого сегодня меньше всего хотелось встретить.

— Здесь обычно никто не ходит, — сказала я. Зубы стучали так, что слова выходили неровными.

Он посмотрел на мои руки, потом на сарафан.

— Не холодно?

Не дожидаясь ответа, снял дублёнку и накинул мне на плечи.

Мех был тёплым. Очень тёплым. Я невольно вцепилась в края, прижимая их к груди.

— Что ты здесь делаешь?

— Виктория попросила проводить тебя. Сказала, пойдёшь этой тропой.

Так вот о чём они говорили у калитки.

Я посмотрела в сторону её дома.

Вики, ну как же так?

— Я сама дойду. Дублёнку вечером верну.

Эшер пожал плечами, но с тропы не сошёл.

Наверное, впервые я стояла к нему так близко. Соломенные волосы, тёмные брови, светлые глаза. На две головы выше меня. Руки, плечи — сразу видно, что у кузнеца вырос.

— Можно пройти?

Он всё смотрел. Не сердито, скорее удивлённо. Мне стало совсем неловко.

Все ходили за ним, улыбались, старались заговорить. Я одна всё время пряталась. Может, если перестану шарахаться, ему станет не так интересно?

Я попробовала улыбнуться.

Получилось, видимо, ужасно. Эшер дёрнул уголком рта, потом тихо рассмеялся.

Я потрогала нос. Распухший после слёз. Губы тоже. Ещё волосы, которые я с утра даже не расчесала.

— Очень смешно, — сказала я.

— Прости.

Он всё ещё улыбался. Стоял в одной рубашке и, кажется, совсем не мёрз, пока я куталась в его дублёнку.

— Всё-таки провожу. А то кто-нибудь увидит, решит, что по картофельным полям нечисть бродит.

— Это я нечисть?

— Ты бы себя видела.

Я уже открыла рот, чтобы ответить, но он наконец отступил с дороги.

Можно было пройти мимо. Сказать ещё раз, что помощь

не нужна.

Только дублёнку отдавать совершенно не хотелось.

— Пойдём, — сказал Эшер.

Развернулся и двинулся по тропе. Я постояла мгновение, потом пошла следом.

До дома добрались быстро. Он больше не шутил и почти ничего не спрашивал. Я тоже молчала. С каждым шагом становилось теплее, и злиться было всё труднее.

Я украдкой посмотрела на него. Эшер был красивым — замечала это и прежде, хотя старалась не задерживать взгляд. Сейчас он шёл рядом в одной рубаше, отводил ветки с тропы и ничего от меня не требовал.

Так с ним было легче.

Если бы можно было просто разговаривать. Иногда смеяться над его дурацкими шутками, принимать помощь и не думать, что за это придётся стать его женой. Я могла бы привыкнуть к нему как к другу.

Но стоило вспомнить свадьбу, как тепло под дублёнкой переставало успокаивать. Потом мы останемся вдвоём. Он захочет прикоснуться — уже совсем иначе. А я даже представить этого не могла без желания отодвинуться.

И что будет с лесом? С моей пещерой? Придётся ли каждый раз спрашивать, можно ли уйти?

Он ещё ничего такого не запрещал. Только всё вокруг уже решалось без меня, и я боялась, что после свадьбы так будет всегда.

— Спасибо, — сказала у нашего двора.

Эшер оглянулся, кивнул.

Я сняла дублёрку — и заметила Энну на крыльце. Ладони прижаты к груди, лицо такое, будто перед ней свершилось чудо.

Только этого не хватало.

— Спасибо, — повторила уже громче и сунула одежду Эшеру в руки.

Повернулась и пошла в дом, не дожидаясь ответа.

Помощь не означала согласия на свадьбу. Я это знала.

Но, судя по тётушкиному лицу, объяснять всё равно придётся.

Энна ничего не спросила.

Это было хуже расспросов.

Она тихо хлопотала в кухне, напевала какую-то песенку и даже в комнату не заглянула. Я быстро переоделась в брюки, рубашку и свитер.

Никаких сарафанов. По крайней мере, пока не потеплеет.

Лекарь пришёл раньше, чем мы ждали. Энна позвала меня, и я вышла к столу.

Там уже сидел незнакомый мужчина. Не тот, что обычно лечил тётушку. Хорошо одетый, с чистыми, ухоженными руками. Он раскладывал свёртки и небольшие инструменты.

— Садись, — сказала Энна и отошла, теребя край юбки.

Мужчина спросил, что случилось. Я повторила, что не

помню. Он посмотрел на тётушку, вернулся к вопросам: когда нашли, когда очнулась, не тошнило ли, где болит.

Потом велел протянуть руки.

Я положила их на стол. Отмыть меня успели, но под обломанными ногтями ещё темнела грязь. На чистой ткани ссадины выглядели хуже, чем утром.

Лекарь осмотрел пальцы, осторожно согнул каждый. Я поморщилась.

— Открытые раны ещё где-нибудь есть?

— Только на руках.

— Зашивать уже не требуется. Следы могут остаться.

Он поднял глаза.

— Придётся полюбить длинные рукава.

Энна нахмурилась. Я уставилась в стол.

Даже здесь сначала думали о том, как я буду выглядеть в платье.

— Голова болит?

— Немного.

Очень хотелось сказать «нет», чтобы он наконец ушёл. Но тётушка смотрела слишком внимательно.

Он осмотрел затылок, попросил повернуть голову, следить глазами за его рукой. Велел несколько дней не бегать и побольше отдыхать.

Я промолчала.

Поставил на стол две маленькие стеклянные баночки. Объяснил Энне, какую мазь использовать для ссадин, какую

— для ушибов. Если станет хуже, нужно снова позвать его.
Тётушка проводила до двери и передала увесистый мешочек.

Я взяла одну из банок, открыла, понюхала.

Знакомые травы.

И ради этого мы отдали столько денег?

— Сколько ты заплатила?

Энна закрыла дверь.

— Не спрашивай. Недёшево.

— Я такую смесь сама могла бы сделать.

— Он тебя осмотрел.

— И оставил две банки с травами.

Я знала, что говорю несправедливо. Он хотя бы проверил, целы ли кости. Но мешочек, исчезнувший за дверью, никак не выходил из головы.

Всю осень считали каждую монету. Я лазила по лесу в чужих ботинках. Теперь за поиски отдала год своей жизни, а тётушка снова платила.

— Зачем было звать такого дорогого? Всё ведь уже заживает.

— Этот человек обладает силой, Ани. Говорят, умеет наполнять магией свои снадобья. Я хотела, чтобы тебя посмотрел тот, кто понимает больше нашего лекаря.

Я снова взглянула на баночку. По запаху — обычные травы. Но запах ничего не доказывал.

— Ты могла хотя бы сказать мне, сколько это стоит.

Энна устало потёрла переносицу.

— А ты могла вернуться домой, как обещала.

Мы замолчали.

Потом она отвернулась.

— Вода согрелась. Иди вымой голову. И руки как следует.

Только осторожно.

Мне показалось, голос у неё дрогнул.

— Тётя...

— Иди, Ани.

Она вышла во двор.

Я осталась у стола с баночкой в руке.

Опять виновата. Опять должна понять, согласиться, быть благодарной.

Я поставила мазь и пошла в парную.

У самой двери оглянулась. Энна стояла возле крыльца спиной ко мне, обхватив себя руками.

Наверное, тоже замёрзла.

Я хотела позвать её. Но слова не нашлись.

Закрыла за собой дверь, прислонилась к ней лбом и прошептала:

— Я и так благодарна.

Почему же этого всё время мало?

Глава 4

Стук в дверь вывел его из оцепенения.

— Войди.

Он не обернулся. Продолжал смотреть на огонь, словно в нём можно было найти ответ.

Гость вошёл осторожно и остановился у порога. Привычных шуток сегодня не было.

В комнате уцелело только кресло перед камином. Стол лежал у противоположной стены, расколотый в щепки. Сорванные шторы валялись на полу. Обломки стульев, винного столика, кровати — всё вперемешку.

Тот, кто сидел у огня, теперь казался спокойным.

Ему стоило больших усилий сохранять это спокойствие.

Она всё ещё не приходила в себя. В замке говорили вполголоса, избегали лишних движений, будто уже оплакивали её. Он прежде не знал, как трудно бывает слушать чужое дыхание и ждать следующего вдоха.

— Кто она?

Гость поднял глаза.

— Мы не знаем.

— Она снова прикасалась к камню?

— Я чувствовал след. Ненадолго. Потом он оборвался.

— Где?

— Не успел понять.

Гость сжал кулаки.

— Она не держит его при себе?

— Откуда мне знать? След есть, только пока касается. Потом — ничего.

— Такого прежде не было.

— Прежде и она не оставалась там настолько долго.

Несколько мгновений слышался только треск поленьев.

Сидевший у камина наконец повернул голову. В глазах вспыхнул огонь, уже не похожий на отражение пламени.

— Найди её.

Неделя прошла в домашних делах.

Энна придумала столько работы, что времени на размышления почти не оставалось. Из дома выпускала только вместе с собой. Я шила, перебирала припасы, помогала с корзинами и старалась не считать дни до свадьбы.

Не получалось.

В один из вечеров тётушка поставила лампу между нами и протянула мне куртку.

— Здесь ещё раз пройди. Разойдётся ведь.

Я посмотрела на шов. По-моему, держался прекрасно.

Но спорить было дольше, чем зашить.

Энна устроилась напротив, взяла своё рукоделие. Возле её локтя лежала книга, которую она принесла от соседей. Я успела прочитать почти половину и теперь всё поглядывала

на потёртый корешок.

— Там про берег написано, — начала я. — Скалы такие высокие, что с воды наверх не забраться. А птицы в них гнёзда устраивают. Прямо на выступах.

— И как же яйца не падают?

— Не знаю. Наверное, выбирают ровные места.

Я потянула нитку. Она зацепилась за пуговицу.

— А он хотел посмотреть поближе. Тот, кто книгу написал. Привязал себя верёвкой и стал спускаться сверху.

Энна подняла глаза.

— Надеюсь, ты до такого не додумаешься.

— У нас моря нет.

— Зато деревьев хватает.

Я улыбнулась и снова потянула нитку. Узел затянулся намертво.

Проклятье.

— Дай сюда, — сказала тётушка.

— Я сама.

Она продолжила шить. Я ковыряла узел иглой, пока он не стал ещё туже.

— А дальше? — спросила Энна.

— Что?

— Твой путешественник. Спустился?

Я отложила куртку на колени.

— Почти. Птицы подняли такой крик, что он решил не трогать гнёзда. Только рисунок сделал. Там есть, на следую-

щем листе.

— Покажешь, когда закончишь.

Я вздохнула.

— Ты специально спрашиваешь, пока я шью.

— А ты специально начинаешь рассказывать, чтобы не шить.

Я посмотрела на неё. Энна улыбалась, не поднимая головы.

Пришлось засмеяться.

Узел она всё-таки распутала. Вернула мне куртку, а я села ближе к лампе и сделала несколько медленных стежков. За окном уже стемнело. В печи оседали угли, нитка тихо шуршала сквозь ткань.

— Может, когда-нибудь увижу такие скалы, — сказала я.

— Мне и наших гор довольно.

Она повернула ткань к свету, проверяя свою работу.

— А книгу завтра новую спрошу. Эту ты уже скоро дочитаешь.

Я ничего не ответила. Только придвинула её подальше от лампы, чтобы на страницы случайно не капнуло масло.

Новость разнеслась по деревне за сутки. Ещё через несколько дней на крыльце оставили дохлого ворона. Под ним лежала записка:

«Умри, проклятая ведьма».

Я нашла её первой. Завернула птицу, убрала всё прежде,

чем Энна вышла во двор. Бумагу сожгла.

Решение о свадьбе от этого всё равно не изменилось бы. А тревог у тётушки и без того хватало.

Потом мы собрались в город.

На пятый день дороги я уже не чувствовала, где заканчивается сиденье телеги и начинаюсь я. Под колёсами скрипела грязь, поклажа сдвигалась на каждой кочке. Хорошо хоть по ночам удавалось выспаться.

До свадьбы оставалось около полутора недель.

Энна обсуждала покупки, пересчитывала деньги, проверяла список. Я отвечала невпопад. Стоило представить день, после которого мы с Эшером останемся вдвоём, как внутри всё сжималось.

На въезде в Гранрасс остановила стража. Один проверил груз, другой собрал плату. Оба выглядели так, будто гораздо охотнее вернулись бы к прерванному сну.

За воротами мы слезли с телеги.

Дори, который вёз нас вместе со своим товаром, сразу предупредил: обратно отправится только на рассвете, когда закончим дела. Ночью на дороге теперь неспокойно.

Энна ворчала ещё с утра. Прежде Дори рассчитывал путь так, чтобы въехать в город пораньше, за день всё продать и сразу повернуть домой. Теперь он не желал ни подъезжать к городу затемно, ни уходить из него вечером. Пришлось платить за лишний ночлег.

— Всю жизнь ездили, — бормотала тётушка. — А сейчас

вдруг страшно стало.

Дори только подтянул ремни на поклаже.

Мы отправились искать комнату.

Ночлег нашёлся на втором этаже таверны. Два старых матраса на полу, стол, свеча. Из окна дуло. Простыни выглядели так, что на них не хотелось садиться без одежды.

В харчевню мы не спускались: еду Энна взяла с собой.

Она поставила сумку на стол и огляделась.

— Скоро хотя бы нормальную комнату сможем себе позволить. Не эту помойку.

Я опустилась на край матраса.

— Мне не привыкать.

— Это что значит? Ты наш дом с этим сравниваешь?

— С ночёвкой под открытым небом.

Энна поджала губы, но спорить не стала.

О пещере она по-прежнему не знала. Там было уютнее, хотя сырость и каменный пол особого удобства не добавляли. После пяти дней дороги мне и этот матрас казался вполне подходящим.

Сняла ботинки, положила сумку рядом и легла.

Тётушка ещё что-то говорила о Дори, комнате и завтрашних покупках. Я слышала её всё хуже.

Потом уснула.

— Ани, поторопись. Нам столько всего надо успеть.

Утром Энна шла по узкой улице так быстро, что приходилось почти бежать следом.

Я не очень любила город. Слишком много людей, слишком тесно. Всё время нужно следить за сумкой и смотреть, куда ступаешь. Зато на дома могла глазеть бесконечно: высокие, каменные, с резными окнами. Ближе к центру улицы становились шире, появлялись цветы, чистые дорожки, витрины.

Рынок здесь работал каждый день. Казалось, купить можно что угодно — были бы деньги.

Сегодня мы пришли за свадебным платьем.

Энна свернула к нужной лавке, и я остановилась перед дверью на мгновение дольше, чем следовало.

— Идём, дорогая.

Она взяла меня за руку.

Внутри пахло тканью и нагретым утюгом. Тётушка перебирала отрезы, спорила с хозяйкой, показывала на вышивку. Я не успела понять, что выбрали, как уже стояла перед зеркалом, завернутая в белую ткань.

Две женщины стягивали складки на спине, прикладывали кружево, поворачивали меня то одним боком, то другим.

— Рукава нужны, — говорила Энна. — И здесь поплотнее. Нет, эта вышивка не подойдёт.

На руки смотрели чаще, чем на лицо. Ссадины ещё заживали.

Меня переодели. Потом снова. Каждая следующая шну-

ровка казалась теснее предыдущей.

— Тётя, давай уйдём.

— Она волнуется, — объяснила Энна женщинам. — Такое событие.

Я попыталась вдохнуть глубже. Не получилось. В комнате было жарко, а мысль о свадьбе становилась всё отчётливее с каждой новой деталью наряда.

— Мне нужен воздух.

В этот раз сказала громче. Попросила ослабить шнуровку, выбралась из платья и торопливо натянула свою одежду.

На улице ветер коснулся лица. Я сделала вдох, ещё один.

Энна вышла следом и схватила меня за руку.

— Что с тобой?

— Мне страшно.

Она нахмурилась, потом взгляд смягчился.

— Мы же всё обсудили. Тебе нечего бояться.

Я посмотрела на её пальцы, сжавшие моё запястье.

Обсудили.

— Можно я немного пройдусь? Потом вернусь. Мы успеем.

Тётушка молчала. Я ждала, не пытаясь выдернуть руку.

Наконец она отпустила.

— Хорошо. Мне ещё столько купить надо.

Достала из передника сложенные листки, прищурилась, разбирая собственные пометки.

— Нитки... Семена. Чуть не забыла про семена.

— Здесь через час?

— Здесь. И не задерживайся. Завтра на рассвете уезжаем.
Я кивнула и зашагала к площади.

Час свободы.

И дело, о котором тётушке знать не обязательно.

На площади толпился народ. Торговые палатки стояли рядами, над ними покачивались яркие полотнища. В зачарованных фонтанах вода поднималась тонкими дугами, не рассыпаясь даже на ветру. У основания башен вился плющ.

Сколько же в этом городе чародеев?

Возле одного из фонтанов собрались зрители. Я протиснулась ближе и увидела танцовщицу.

Рыжие кудри взлетали при каждом повороте. Голубое платье едва касалось колен. Вокруг девушки кружилась вода: обвивала руки, следовала за плечами, рассыпалась блестящими каплями, когда она резко опускала ногу.

В стороне сидел молодой мужчина и играл на длинной дудочке. Пальцы быстро закрывали отверстия, мелодия то ускорялась, то становилась мягче. Танцовщица отзывалась на каждую перемену.

Люди бросали монеты. Я смотрела, забыв о платьях и лавке.

Так легко двигаться. Так свободно.

Хотелось хотя бы на мгновение почувствовать то же самое.

Я подняла голову к большим часам над площадью и опомнилась.

Мой час почти закончился.

А главное дело ещё даже не начато.

Я поспешила к торговым рядам. Раньше украшения продавали в одной из палаток, но на знакомом месте теперь лежали специи и связки трав.

— Это немыслимо! — говорила хозяйка соседнего прилавка. — Городскую армию в леса отправлять! За что мы платим?

— Уже пятнадцатое нападение за неделю, — возразила покупательница, перебирая ароматные палочки. — Звери будто взбесились.

— И что нам до деревень к северу? Пусть сами разбираются.

— Поговаривают, это вовсе не звери.

— Извините, — начала я.

Меня не слышали.

— Тогда чародеев послали бы, а не солдат.

— А я тебе говорю...

— Извините!

Хозяйка наконец повернулась.

— Чего тебе?

— Где теперь продают украшения?

Она скользнула взглядом по моей одежде.

— Зачем тебе?

Я замялась. Не хотелось доставать камень посреди толпы.
— Впрочем, мне-то что, — сказала женщина. — На соседней улице лавка. Переехали. С открытого прилавка воровали слишком много.

И выступила вперёд, прикрыв собой товар.

Я поняла намёк и отошла.

Была бы рядом Энна, разговор на этом не закончился бы.

Соседняя улица оказалась узкой и почти пустой. Дома теснились так близко, что солнце едва проникало между ними. Ни цветов, ни нарядных витрин. Серый камень, тёмные окна, грязь у стен.

Странное место для украшений. Зато, наверное, аренда дешевле.

Я прошла несколько домов, прежде чем увидела вывеску. Она поскрипывала над низким крыльцом.

Дверь открылась с неожиданно весёлым звоном.

Внутри было тихо.

Я остановилась у входа. Потом шагнула ближе к прилавку. На полках лежали кольца, цепочки, броши. За стеклом мерцали камни.

— Есть кто-нибудь?

— Ка-а-ар!

Я вздрогнула и резко обернулась.

На верхнем стеллаже сидел ворон.

— Лесные демоны. Нельзя так пугать.

— Кар!

— Вы камни покупаете? — спросила я уже громче, обращаясь к пустому пространству за прилавком.

— Не кричи.

Из-за прилавка поднялась женщина.

Высокая, худощавая, в свободном чёрном платье до пола. Тёмные волосы заплетены в мелкие косички. Две обрамляли лицо, остальные были собраны на затылке. В косах поблёскивали бусины.

Украшений на ней было столько, что лавка казалась продолжением её наряда. Браслеты на обеих руках, кольца почти на каждом пальце, несколько серёг в ушах.

Она протянула ладонь.

— Показывай.

— Я пока хотела бы узнать стоимость.

Женщина не ответила. Руку не убрала. Потом её взгляд вдруг задержался на моей сумке.

Я раскрыла сумку и нащупала свёрток с камнем. На дороге завернула его получше, чтобы не затерялся среди вещей.

— Вы сможете оценить?

— Ка-а-ар!

Ворон снова заставил меня вздрогнуть.

Хозяйка наклонила голову, разглядывая уже не сумку, а меня.

— Как зовут?

— Ани. Я не собираюсь продавать сегодня. Просто хочу

узнать на будущее.

— Показывай, Ани.

Я развернула ткань.

Камень лежал на ладони. В полумраке он казался тусклым, почти бурым. Ни одного из тех красных отблесков, которые я так хорошо помнила.

Хозяйка придвинулась ближе. Смотрела теперь очень внимательно.

Я передала камень ей.

Она подняла его к свету. Достала маленькое стекло, поднесла к глазу. Потом отложила стекло и провела над камнем пальцами. Кольцо на указательном пальце вспыхнуло бледным светом.

Я вытянула шею.

Хозяйка тихо произнесла несколько незнакомых слов. Свет дрогнул и погас.

Она нахмурилась, повернула камень. На мгновение мне показалось, что сквозь него видно линию на её ладони. Я моргнула — передо мной снова был обычный тёмный камешек.

Женщина подняла глаза на меня.

Молчание затянулось.

— Интересно, — сказала наконец. — Где взяла эту фальшивку?

— Фальшивку?

Я протянула руку. Она повернулась, будто выбирая дру-

гой угол освещения.

— Стекляшка. Ничего не стоит. Где взяла?

— Подарили.

— Кто?

— Жених. Я выхожу замуж.

Первое, что пришло в голову.

— Он сам тебе передал?

— Да.

— И кто же твой жених?

— Кузнец. Из нашей деревни.

Постаралась произнести это так, как сказала бы Энна: уверенно и с достоинством. Кузнечный труд уважали везде.

— Из какой?

Я помедлила.

— А это влияет на цену?

Женщина улыбнулась, но пальцы плотнее сомкнулись вокруг камня.

— Не повезло тебе с подарком.

— Тогда верните.

Она положила камень перед собой, но накрыла пальцами, прежде чем я успела забрать.

Потом достала длинную трубку. Провела пальцем над чашечкой, и табак затлел без огня. Она выпустила струю дыма, не сводя с меня глаз.

— У меня хорошее настроение. Сделаю тебе свадебный подарок. Пять серебряных за стекляшку.

Пять серебряных.

Я невольно посмотрела на её руку.

На что нам хватило бы этих денег? На сколько дней стало бы легче?

Но если камень ничего не стоит, почему она предлагает столько? И почему до сих пор не отдаёт?

— Я не хочу продавать.

— Не выдумывай. В другом месте тебе за него и медяка не дадут.

— Я пришла узнать цену.

— Узнала.

Я снова протянула ладонь.

— Верните мой подарок.

Ворон каркнул. На этот раз я не обернулась.

Хозяйка перестала улыбаться.

— Если понесёшь его дальше и попытаешься выдать за драгоценность, доберёшься до стражи быстрее, чем до покупателя. В подвалах уже хватает таких умниц.

Я сглотнула.

— Я ничего не выдавала. И продавать не собираюсь.

— Пять серебряных, — повторила она мягко.

Улыбнулась снова, обнажив зубы. В них тоже сверкали камни — маленькие, разноцветные, почти в каждом зубе.

Я смотрела на них и вдруг очень ясно поняла, что хочу уйти.

— Нет. Отдайте.

Она резко ударила ладонью по прилавку.

— Глупая девчонка.

Камень остался под её рукой.

Я не отступила, хотя всё внутри требовало именно этого. Стояла с протянутой ладонью и старалась не смотреть на дверь.

Наконец женщина шумно выдохнула. Подняла руку, медленно разжала пальцы.

Камень упал мне в ладонь. Пришлось сомкнуть пальцы: ещё мгновение назад я видела его на фоне своей кожи, а теперь едва могла различить. Только вес никуда не исчез.

Я поднесла руку ближе к лицу. Тёмно-красная грань снова проступила между пальцами.

Наверное, виноват свет. В этой лавке вообще всё было странным.

Сразу убрала подарок во внутренний карман.

— Спасибо, — сказала, сама не зная зачем.

И пошла к выходу.

У двери оглянулась. Хозяйка по-прежнему смотрела на меня, наклонив голову. Трубка дымилась между пальцами.

Колокольчики звякнули за спиной.

На улице стало темнее.

Я подняла глаза. В узкой полосе неба между крышами сгустилась чернота. Ещё недавно там было светло.

Надо быстрее на площадь. Энна наверняка уже ждёт.

Я сбежала с крыльца и зашагала к выходу из переулка.

Ветер ударил в спину. Волосы поднялись у затылка, и вместе с этим движением пришёл страх.

Кто-то сзади.

Я остановилась, не успев решить, хочу ли останавливаться. Прислушалась. Тишина.

Резко обернулась.

Пусто.

Закрытая дверь лавки, серые стены, вывеска, раскачивающаяся на ветру.

Ещё один порыв обдал лицо.

Я выдохнула.

Женщина просто напугала меня. Ворон, камень, её угрозы. Конечно, напугала.

Я сунула руку в карман, проверяя, на месте ли подарок, и пошла быстрее.

На площади пришлось зажмуриться.

Солнце.

Над башнями было ясное небо. Ни следа той темноты, которую я видела между крышами.

Я оглянулась на улицу, откуда вышла.

Разбираться сейчас было некогда.

— Ани!

Энна стояла возле лавки. Увидев меня, пошла навстречу.

— Где ты ходишь? Почти два часа прошло!

Говорила тихо, но по лицу было видно, чего ей стоило не повысить голос.

В Гранрассе ссориться на улице было дорого. Стража следила за порядком, а иногда понимала под порядком всё, что позволило бы собрать ещё один штраф. Мы не раз видели, как за слишком громкий спор человека уводили, даже не пытаясь разобраться.

Сейчас нам этого только не хватало.

— Я задержалась на площади.

— Я уже поняла. Вот так и отпуская одну.

Она взяла меня под руку.

— Идём. Скорее.

Я снова оглянулась.

Никого, кто смотрел бы именно на меня. Торговцы, прохожие, мальчишка с корзиной. Обычный городской день.

Чувство, что за мной наблюдают, не уходило.

В этот раз Энна успела выбрать платье без меня. Нужно было только подогнать по фигуре.

Я стояла, пока закалывали ткань, и старалась смотреть мимо зеркала. Отражение делало свадьбу слишком настоящей.

Рукава закрывали руки почти до пальцев. На спине затягивали шнуровку.

«В день свадьбы я сама из него не выберусь», — подумала я.

И снова вспомнила Эшера. Теперь он мог подождать меня на тропе, предложить помощь, накинуть дублёнку. А после

свадьбы все будут считать, что у него есть право решать за нас обоих.

Я закрыла глаза.

— Так удобно? — спросила одна из женщин.

— Да.

Лишь бы скорее закончить.

Остаток дня мы ходили по рынку. Энна больше не отпускала меня даже на шаг. Прилавки постепенно пустели, продавцы сворачивали полотнища. Я проголодалась, ноги ныли.

— Сама виновата, — сказала тётушка, когда я попросила остановиться и поесть. — На прогулки время нашлось. Теперь потерпи, в комнате поужинаем.

Купить всё из её списка всё равно не удалось. Денег на всё намеченное не хватило.

Ночью мы снова спали на старых матрасах. Я проверила, не разошёлся ли шов внутреннего кармана, и осторожно переложила камень в тканевый свёрток на дне сумки. Там было надёжнее.

Достать его ещё раз и рассмотреть при свечке не хотелось. На сегодня с меня хватило.

Я положила сумку рядом и легла.

На рассвете у ворот ждал Дори с полупустой телегой.

Мы забрались наверх. Энна устроила свёрток с платьем так, чтобы ничего не помялось.

Я посмотрела на город в последний раз и спрятала замёрзшие пальцы в рукава.

Пора было возвращаться.

Глава 5

— Ещё не поздно всё отменить.

Николас сидел в кресле, вытянув ноги, и смотрел на брата так, будто всё ещё надеялся его переубедить.

— Чтобы ты забрал её себе? — усмехнулся Эшер.

— Да при чём здесь я? Не понимаю, чего ты так вцепился.

Эшер повернулся. Ник отвёл глаза, но с места не сдвинулся. Младшим братом он выглядел разве что рядом с Эшем: такой же высокий, широкоплечий, привыкший к тяжёлой работе.

— А я не понимаю, как ты мог её упустить.

— Я был занят.

— За юбками бегал?

— Тебя не касается. Эш, я видел то место. И слухи эти...

— Слухи выдумывают твои подружки. Мы оба знаем за чем.

— А её руки? Тоже выдумали?

Эшер отвернулся.

Руки он видел. И кровь на одежде. И обугленную землю вокруг дерева, возле которого лежала Ани. Футов на сорок во все стороны — выжженная трава, почерневшие стволы. Дождь ещё шёл, а древесина оставалась тёплой.

Дори заметил её первым. Эшер подбежал, опустился рядом и несколько мгновений не решался прикоснуться.

Потом всю дорогу считал её вдохи.

— Надеюсь, ты молился, — сказал он. — Потому что тогда я едва помнил, что ты мой брат.

— За тебя молюсь каждый день.

— Лучше бы за ней внимательнее следил.

Эшер подошёл к окну.

— Я её пещеру нашёл, — сказал Ник за спиной. — Даже на постели полежал. Жёсткая.

Эшер обернулся. Брат улыбался, но улыбка вышла натянутой.

— Она прячется там от всех. Может, и от тебя тоже. Ты правда этого не видишь?

— Вижу.

Ник помолчал, потом снова попытался усмехнуться.

— Может, предпочла бы другого. Меня, например.

— Заткнись.

— Рядом с ней и у меня кровь нагревается.

— Свадьба завтра. Всё решено.

Эшер вышел, хлопнув дверью. Николас догнал его у крыльца.

— Эш, постой.

— Исчезни, Ник.

Младший поднял лицо к холодному воздуху.

— Зима близко. Хоть от жары отдохнём.

Эшер остановился.

— Ты говоришь правду. Вот почему я злюсь. Она избегает

меня. Отворачивается, уходит, стоит показаться. На праздники почти не приходит. А если приходит, держится в стороне.

Он посмотрел на брата.

— Поэтому я и просил тебя следить. Тебя Ани не замечает. Не шарахается от тебя.

— Может, стоило поговорить с ней, а не посылать меня?

— Я пытался.

Николас промолчал.

— Она слышит, что о ней говорят, и уходит, — продолжил Эшер. — После свадьбы никто не посмеет так говорить о моей семье.

— А если она не хочет стать твоей семьёй?

Эшер сжал челюсти.

Он видел, как она отворачивается. Как торопится уйти, стоит ему приблизиться. После решения отца стало ещё хуже.

Но ведь на тропе пошла рядом. Успокоилась, перестала вздрагивать, поблагодарила. Он возвращался к этому короткому пути чаще, чем хотел признавать.

Ей нужно время.

В его доме не придётся считать каждую монету и уходить на охоту в холод. Энне помогут. Ани перестанет ждать беды от каждого разговора, увидит, что он заботится о ней.

Тогда, может быть, сама захочет остаться рядом.

Эшер держался за эту мысль. Она позволяла верить, что

он ещё может всё исправить, не отказываясь от свадьбы.

— У меня оставался год. Я надеялся, что за это время она хотя бы перестанет меня бояться. А потом пропала. И сообщил мне отец. Не ты.

— Я не знал, что она не вернулась.

— Потому что не следил. Пока я работал за двоих, ты даже в кузню не заглядывал. Сколько ещё раз нарушал уговор?

Николас отвёл взгляд.

— Знаешь, что отец сказал? — голос Эшера стал тише. — «Надеюсь, боги пожалеют меня и ты когда-нибудь женишься. Даже если эту живой не найдёшь».

Он глубоко вдохнул.

— Я чуть не подверг нас риску. Ты знаешь, как трудно стало сдерживаться. И всё равно полез следом.

— Отец велел идти с вами.

— Мне плевать, что он велел.

Эшер прошёл несколько шагов и остановился у ограды. За домами виднелась поляна, где уже готовились к завтрашнему празднику.

— Энна стояла у ворот, будто не понимала, что вокруг происходит. Я раньше её такой не видел. А когда принёс Ани домой... Она была почти невесомой. Дышала через раз. Я боялся положить её на кровать, потому что тогда пришлось бы отпустить.

Ник больше не улыбался.

— Нашли же, Эш.

— Нашли. А отец всё решил, пока она ещё не пришла в себя. Теперь она ненавидит меня сильнее прежнего.

Он потёр ладонью лицо.

— Встретил её на тропе. Замёрзла, зуб на зуб не попадал. Подняла глаза, попыталась улыбнуться... Или оскалилась, не разобрал. Такая маленькая. Как она вообще лук натягивает?

— Эш.

— И на одежде столько крови. Чужой...

— Эш, замолчи.

Он резко повернулся.

Николас смотрел мимо него.

— Кажется, за нами наблюдают.

На поляне я уже третий час возилась с лентами.

Здесь, на окраине деревни, праздновали свадьбы. Вокруг священного дуба Агонар ставили столы и шатры, неподалёку складывали дрова для большого костра. Между деревьями натягивали верёвки с украшениями. Говорили, во время церемонии древняя магия дуба просыпается и связывает молодожёнов.

Мне хотелось, чтобы завтра она проспала.

— Ани, заканчивай. Нам пора.

Вики присела рядом. Из-под капюшона выбились русые кудри. Она была хорошенькая, оживлённая и куда больше меня подходила на роль счастливой невесты.

Почему Эшер не выбрал её?

— Зачем столько лент? И без них было бы хорошо.

— Я не об этом. Ты как?

— Устала.

— Готова?

Я бросила завязки на колени.

— Нет. Что я вообще должна делать?

Вики смутилась.

— Энна не рассказала?

— Она хихикает и говорит, что всё случится само собой.

— Может, лучше не загадывать.

— Я чувствую себя проданной овечкой.

— Во всяком случае, в хорошие руки, — попыталась пошутить Вики.

Я посмотрела на неё. Улыбка подруги стала слабее.

— Матушка говорит, в день свадьбы нельзя бояться.

— Значит, сегодня ещё можно.

— Сегодня можно.

Она взяла у меня ленту и принялась распутывать узел.

— Завтра с рассвета все женщины соберутся готовить. Я тоже буду. Ты бы видела, сколько всего задумали.

На свадьбах помогали все женщины и девушки старше шестнадцати. Так было принято, даже если невесту не особенно любили.

— Тогда проследи, чтобы меня не отравили.

— Ани! Это священный праздник.

— Может, хотя бы дохлых птиц больше на пороге не будет.

Вики замерла.

— Опять?

Я пожалала плечами. Не хотелось пересказывать, что нашла перед поездкой.

— Видимо, свадьбе не только я не рада.

Последнюю ночь перед свадьбой невеста проводила дома, с семьёй. Жениху полагалось праздновать.

У Хёрта собирались все, кто хотел прийти. Семья, выдававшая сына, одаривала гостей. Ночью Эшер должен был принести клятву своему дому и предкам, затем — гостям. Клятву невесте оставляли для церемонии под дубом.

Меня перед праздником передавали семье жениха. Потом я должна была поклясться его дому, собравшимся людям и, наконец, мужу.

Всё было придумано задолго до моего рождения. Мне оставалось вовремя стоять на нужном месте и произносить нужные слова.

Дома холодало. Энна берегла дрова до настоящих морозов, а я сегодня никак не могла согреться. Ходила по комнате, потирала локти, прислушивалась к ставням.

Тётушка задерживалась.

За окном начался дождь. Потом усилился, и лес на другой стороне оврага исчез за серой пеленой. Наш дом стоял у края

деревни. В ясную погоду из окна было видно деревья, зимой — сугробы, по которым иногда пробегали лисы.

Сейчас всё качалось под ветром.

Я подумала о лентах. Весь день возилась, а теперь промокнут.

Потом посмотрела на руки. Ссадины затянулись, но следы остались. Я надеялась, что дорогая мазь уберёт и их. Пока ничего похожего не произошло.

Вспомнился день, когда я уходила на охоту. Мне казалось, удачная добыча позволит отсрочить свадьбу.

А я сама отдала дракону то время, которое ещё оставалось.

Где он теперь?

Перед глазами возникли красная чешуя, жёлтые глаза. Следом — женщины у городского прилавка.

Нападения в лесах. Звери. Или не звери.

Я замерла у окна.

Неужели он?

Я спасла его, помогла улететь. А если теперь он нападает на деревни? На людей, которые ничего ему не сделали?

Я прижала ладонь ко рту.

Вики. Её братья. Энна.

Нет. Я не знала, где происходили нападения, как выглядел зверь, когда всё началось. Только обрывки чужого разговора. Но мысль уже не отпускала.

Я достала из сумки свёрток с камнем. Развернула ткань.

В свете окна он снова был красным, гладким, красивым.

Фальшивка, сказала хозяйка лавки.

А мне вспомнилось совсем другое — тепло, которое я ощутила рядом с драконом. Благодарность.

Не могла поверить, что существо, подарившее мне это чувство, безжалостно убивает людей.

Спрятала камень в карман и снова посмотрела на лес.

У деревьев стоял мужчина.

Я заметила его не сразу. Тёмная фигура на краю оврага, лицом к дому. К моему окну.

Моргнула, вытирая слёзы, придвинулась к стеклу.

Никого.

Я всмотрелась ещё раз, пробежала взглядом вдоль деревьев.

Кто пойдёт туда в такой ливень?

Показалось. Как в городском переулке.

Стук в дверь заставил отойти от окна.

— Ани, открывай!

Энна вошла, вся мокрая.

— Думала, меня ветром унесёт. И здесь не топлено! Хочешь, чтобы обе заболели?

Сняла башмаки, поставила сумки.

— Надеюсь, дожди хотя бы до свадьбы подождут. Чего стоишь? Принеси дров.

Я пошла на веранду, набрала чурок. Отсюда леса не было видно. Только мокрый двор и тёмные окна соседей.

Наверное, вся деревня сегодня у Хёрта.

— Ани! Вставай!

Вики влетела в комнату с корзиной на локте. Среди свёртков выглядывали маленькие белые розы.

— Почему ещё в постели?

Я высунула нос из-под одеяла.

— Солнце не взошло.

— Взошло. Просто пасмурно.

Она села рядом, тронула мой лоб.

— Ты не заболела? Голос какой-то...

— Живая.

— Это я вижу. Вставай, собирать тебя будем.

— А Энна?

— Пошла помогать с едой. Сказала, волосы красиво уложить не умеет, попросила нас поменяться.

Вики поднялась.

— Завтрак принесла. Потом до вечера поесть не дадут.

Я завернулась в покрывало и вышла следом.

Подруга уже ставила греться воду, раскладывала булочки, варенье. Усадила меня за стол и заговорила о вчерашнем празднике.

— Мне шубу подарили. Настоящую! Представляешь? Старик расщедрился. Братьям ножи достались. Мужчинам в основном железо из кузни. Столько всего раздавали!

Я взяла булочку.

— Хорошо погуляли?

— Да. Танцы, песни...

Она замолчала. Щёки порозовели.

— Что?

— Не знаю, стоит ли сегодня говорить.

Я посмотрела внимательнее.

— Теперь уже придётся.

Вики помяла край полотенца.

— Только я тебе ничего не рассказывала.

Я кивнула.

— Всё хорошо было, пока Эшер не напился. Потом с отцом за домом ругался. Громко. Многие слышали.

— О чём?

— Он требовал отменить свадьбу.

Я выпрямилась.

— И?

— Потом ушёл. До сих пор никто не видел.

— Значит, отменят?

— Ани, не пугайся. Он просто выпил, наговорил лишнего.

Ты же знаешь, чего только не болтают.

— Что болтают?

— Будто ночь неизвестно где провёл. Эти гадюки уже столько придумали...

— Мне всё равно, где он ночевал. Если он откажется, свадьбы не будет?

Вики посмотрела на меня с недоумением.

— Если откажется — не будет. Но он не откажется. Не волнуйся.

Я впервые за много дней улыбнулась без усилия.

Подруга вздохнула и заговорила о холоде в доме, но я уже почти не слушала.

Откажется.

Может, всё-таки откажется.

Сразу начала считать, чем мы тогда будем жить. Денег Энна потратила много, а выкупа не будет. Зимой придётся охотиться. Может, занять, как в прошлом году, хотя с тем долгом мы едва расплатились.

У Дори ещё оставался непроданный товар. Вдруг он снова поедет до снега? Можно напроситься, поискать в городе работу.

Или продать камень. Пять серебряных помогли бы.

Только не той женщине. К ней возвращаться совсем не хотелось.

— Ани, ешь, — напомнила Вики.

Я посмотрела на остывшую булочку и откусила.

После завтрака подруга усадила меня перед зеркалом.

Распустила косу, провела пальцами по волосам.

— Тяжёлые какие. И длинные.

Я сама не замечала, насколько они отросли. Почти до поясицы. Надо бы обрезать.

Вики выложила на тумбу деревянные палочки, ленты,

стеклянные баночки. Достала металлическую чашу для угрей и щипцы.

— Это зачем?

— Увидишь.

Она разделяла волосы на пряди, накручивала на палочки и закрепляла тканью. Через некоторое время голова стала такой тяжёлой, что я боялась лишний раз повернуться.

— Я так и пойду?

Вики засмеялась.

— Без палок пойдёшь.

— Если ты ещё столько вплетёшь, шея сломается раньше свадьбы.

— Сиди спокойно.

Потом подруга взяла нагретые щипцы.

Я вскочила.

— Ты что делаешь?

— На охоту ходить не боишься, а щипцов испугалась?

— В лесу хотя бы никто не подносит железо к моей голове.

— Сядь, Ани. Я осторожно.

Я села, не спуская глаз с её руки.

Она прикладывала щипцы к обёрнутым прядям, следила, чтобы ткань не перегрелась, снова нагревала инструмент. От её сосредоточенного лица постепенно становилось спокойнее.

Спина затекла. Я ёрзала, получала замечания, смотрела в окно. Небо понемногу светлело.

Когда Вики сняла первые ленты, на плечо упал мягкий завиток.

Я тронула его пальцем.

Красиво.

Подруга довольно улыбнулась, но на этом не остановилась. Собрала часть волос у висков, заплела тонкие косички, вплела белые розы. Цветы оказались засушенными, только выглядели совсем свежими. Я не стала спрашивать, как это получилось.

Спустя несколько часов мне позволили встать.

Вики всё ещё была полна сил. Я чувствовала себя так, будто снова полдня шила драконье крыло.

Платье висело в шкафу, выглаженное и приготовленное заранее.

Подруга заглянула внутрь и ахнула.

— Ани. Это твоё?

— Да.

— Сколько оно стоит?

— Не знаю.

— Откуда у Энны столько денег?

Я смутилась.

— Может, ты преувеличиваешь.

Вики осторожно вынула платье, поднесла ко мне вышивку.

— Серебряная нить. Посмотри на розы. Будто живые.

Раньше я почти не смотрела на наряд. Теперь разглядела

тонкие белые лепестки, листья, мерцающие стежки.

Мне стало стыдно за каждую примерку, на которой хотелось только поскорее уйти.

Вики помогла одеться. Стянула шнуровку, поправила рукава. Иногда улыбалась мне, иногда подозрительно шмыгала носом.

Она так старалась, что я уже не могла сердиться на все эти приготовления.

А надежда оставалась. Если Эшер откажется, можно будет подарить платье Вики. Только бы не объявили несчастливым. Иначе придётся продавать за полцены.

Баночки нужны были для лица. Подруга прошлась маленькой щёточкой по ресницам, добавила румянца, коснулась губ розовым пальцем.

Я смотрела на неё и думала, сколько ещё денег ушло на всё, что лежало на тумбе.

Потом она отступила.

— Теперь посмотри.

В зеркале была девушка, которую я не сразу узнала.

Чёрные волосы лежали мягкими кольцами. Среди них белели розы. Глаза казались огромными, губы — ярче обычного. Платье подчёркивало талию, открывало плечи и ключицы. Полупрозрачные рукава тянулись до запястий, скрывая следы ссадин.

Я пошевелилась. Девушка повторила движение.

Всё-таки я.

— Ну вот, — сказала Энна за спиной.

Я не услышала, как она вошла.

— Правда красивая? — спросила Вики, снова шмыгнув носом.

Тётушка кивнула. Достала небольшой мешочек с красной лентой.

— Кое-что забыла в корзину положить.

Развязала его, осторожно взяла щепоть порошка и осыпала мои волосы, плечи, платье.

Вики прижала ладони ко рту.

— Даже сияние!

Я подняла руки.

Порошка почти не было видно. Но при каждом движении по коже проходил мягкий блеск, будто свет исходил от меня самой. В волосах и складках платья он переливался тонкими искрами.

Энна подошла ближе, приложила ладонь к моей щеке.

— Тётя, откуда деньги?

Она улыбнулась, но глаза наполнились слезами.

— Были сбережения. На мою свадьбу.

— На твою?

— Она не состоялась. А деньги остались.

Я смотрела на неё, не зная, что сказать.

— Сейчас не будем о грустном. Моя девочка пойдёт самой красивой.

У меня дрогнули губы.

— Не плачь, — попросила Энна и вытерла слезу большим пальцем. — Всю красоту испортишь. Иди к свету, дай ещё посмотреть.

Она подвела меня к окну.

Со двора донеслись голоса, топот копыт.

— Приехали.

Тётушка сжала мою руку.

— Подожди здесь. Позову, когда договоримся.

Через несколько минут Энна вернулась. Обняла крепко, взяла под руку и повела наружу.

Вики осталась у двери, вытирая глаза.

Во дворе ждали Хёрт, Николас, несколько приятелей семьи. На заборе уже висели ребятишки.

Эшера не было.

Я поискала его взглядом ещё раз. Обычно жених сам приезжал за невестой.

Почему-то стало обидно.

Весь день надеялась, что он не явится, а теперь стояла перед чужими людьми, наряженная и сияющая, и не знала, куда смотреть.

Гости притихли. Кто-то присвистнул. Николас перестал улыбаться.

Энна подвела меня к Хёрту, передала ему мою руку и поцеловала в лоб.

— Я следом, дорогая.

Старик был седым, бородатым, но держался прямо и двигался легко. Он помог мне сесть на коня, взял поводья и повёл по улице.

Дождь закончился. Из-за облаков выглядывало вечернее солнце. В платье было холодно, и я старалась не дрожать.

К нашей компании присоединялись люди. Выбегали из домов, переговаривались, звали соседей. Маленькие девочки догоняли коня, тянулись к подолу. Хёрт сначала отгонял их, потом махнул рукой.

Я смотрела поверх голов, лишь бы не встречаться глазами с каждым, кто меня рассматривал.

На поляне горели свечи в стеклянных банках. Под шатрами стояли столы с пирогами, мясом, вином и пивом. Гости смеялись, спорили, перекрикивали друг друга.

Когда мы подошли, шум начал стихать.

— Это Ани?

— Посмотрите, сияет.

— Вот красавица...

Под дубом сидел Эшер.

Белая рубаха, длинный светлый жилет с вышивкой, серые брюки. Он смотрел в землю, лениво втыкал нож в траву, вытаскивал и снова втыкал.

Значит, пришёл.

Хёрт помог мне спуститься и повёл сквозь гостей.

Навстречу вышла Хеленга.

Старая провидица жила на другом краю деревни. Многие

её сторонились: вдруг посмотрит и скажет то, чего лучше не знать. А мне она нравилась. Я помогала носить воду для её огорода, она угощала молоком и ягодами.

Хеленга остановилась передо мной, внимательно посмотрела на лицо. Потом кивнула и поманила ближе.

Я наклонилась. Она прошептала благословение и поцеловала меня в лоб.

На мгновение стало спокойнее.

Хёрт махнул рукой, освобождая дорогу к дубу.

Эшер поднялся.

Я встретила с ним глазами — и он замер. Нож так и остался в руке. Потом словно опомнился, убрал его, снял с локтя меховую накидку и опустил мне на плечи.

Тепло. Опять его тепло.

Я смотрела на него и пыталась понять, что произошло ночью. Почему требовал отменить свадьбу? Почему теперь здесь?

Он ничего не сказал.

Обряд поручили тому самому лекарю, который осматривал меня после леса. Наверное, об этом тоже позаботился Хёрт. Я и не знала, что этот человек может благословлять браки.

В руках у него были металлические венцы.

Он говорил о доме, предках, долге. Гости переминались, поглядывали на столы. Кому-то явно хотелось скорее закон-

чить и вернуться к еде.

Я слушала вполуха, пытаясь вспомнить, что мне предстоит произнести. Наконец речь закончилась. Пришло время клятв друг другу.

Лекарь повернулся к Эшеру.

Тот молчал.

Смотрел на меня так пристально, что я не выдержала и опустила глаза.

— Эшер, готов ли ты принести клятву?

Вокруг стало тише.

Я подняла голову.

Сейчас.

Если откажется, всё закончится.

Он глубоко вдохнул, посмотрел на гостей, потом в сторону отца. Опустил голову, что-то прошептал. Разобрать я не смогла.

«Боги, пожалуйста».

Эшер снова повернулся ко мне.

— Я готов.

Надежда оборвалась.

— Мы ждём, — сказал лекарь.

Эшер протянул руку.

— Клянусь...

Над головами раздался тяжёлый хлопок.

Потом ещё один.

Свет погас под огромной тенью. Ветер ударил так, что на-

кидку сорвало с моих плеч. Люди вскрикнули, кто-то налетел на меня, и я упала, ударившись головой о твёрдую землю.

Попыталась встать.

Ничего не видела толком. В глазах плыло. Вокруг кричали, бежали, звенело стекло.

Я вытянула руку, пытаюсь найти опору.

Что-то сомкнулось вокруг тела.

Сдавило грудь.

Воздух вырвался из лёгких, а вдохнуть снова не получилось. Я дёрнулась, пытаюсь освободить руки. Перед глазами мелькнуло тёмное, слишком близкое, чтобы понять, что это.

Земля ушла вниз.

Дуб, люди, свечи — всё становилось меньше.

Я открыла рот.

Ни крика. Ни вдоха.

Глава 6

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.